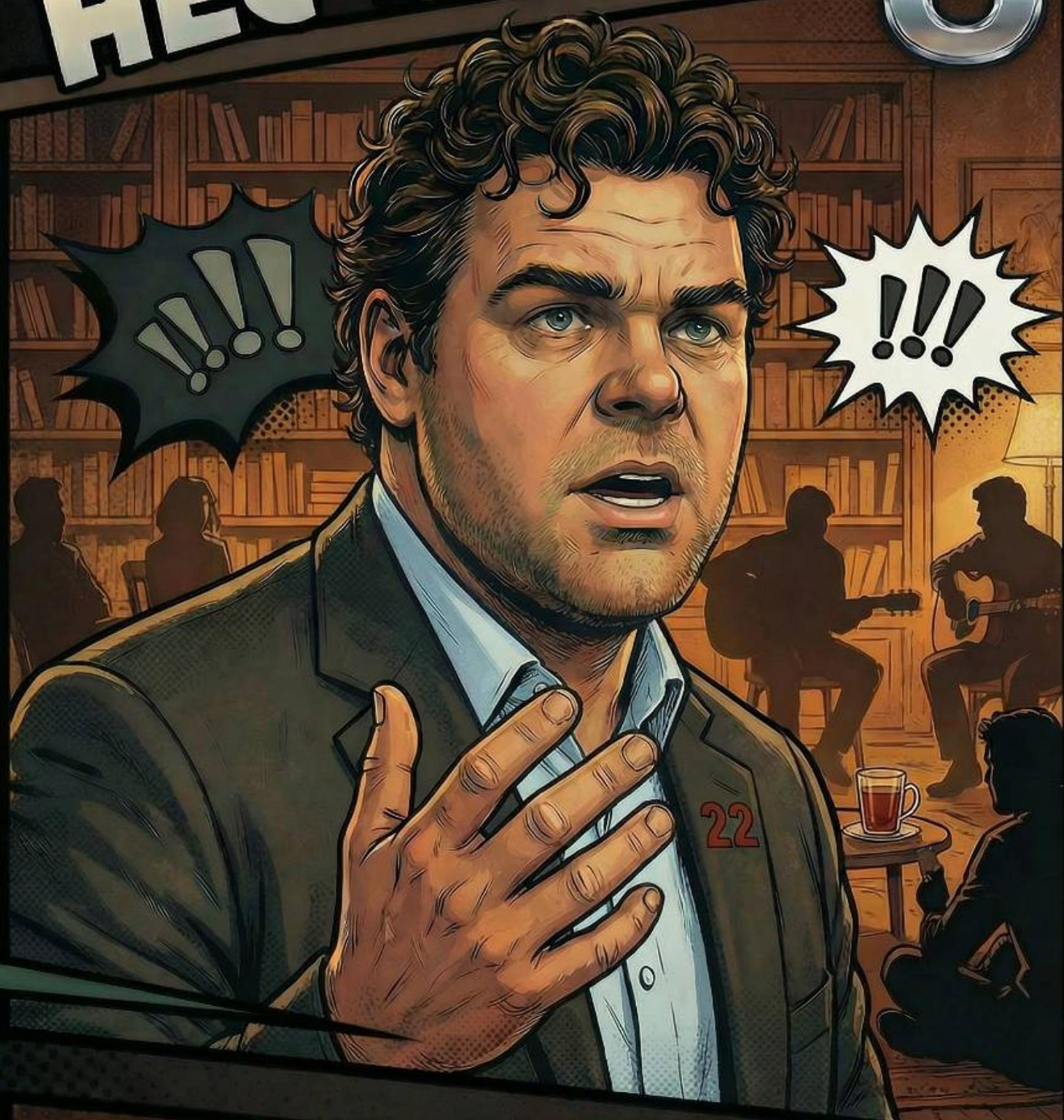

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 8

СУГРАЛИНОВ Д
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 8

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 8 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026

Наконец-то Сереге удалось вырваться из Морков в аспирантуру. Ну, привет, Москва! Теперь нужно доказать научному руководителю и по совместительству бывшему ученику академика Епиходова, а также будущему зятю Борьке, что он не ошибся в выборе аспиранта. А еще же есть Лысоткин и Михайленко, которые присвоили его научные результаты. Нет хуже паразита, чем жадный плагиатор. И Серега выведет их на чистую воду. Да и с Ириной пора бы уже разобраться.

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фонд А.

Двадцать два несчастья. Книга 8

Глава 1

Стоило подумать, что я обязательно разберусь со всей этой чертовщиной, Системой и прочими «контролерами» этого мира, считавшими меня безбилетным пассажиром, как произошло нечто странное.

Какое-то непонятное покалывание прошло обе ладони от запястий до кончиков пальцев, словно я сунул руки в теплую электрическую воду. Признаться, я испугался, даже запаниковал, решив, что чертов insult добрался и до меня...

...но продлилось это секунды три, не больше, потом отпустило. Я потряс кистями, подождал, убедился, что повторения нет, и пошел туда, куда и планировал отправиться после выписки Настасьи Прохоровны — проводить Борьку Богачева.

В своей палате мальчик сидел на кровати, по-турецки скрестив тощие ноги, и сосредоточенно водил обгрызленным карандашом по листку бумаги. Где он его только нашел? Карандаш, судя по состоянию, уже прожил две полноценные жизни и вступил в третью.

— Селгей Николаис, смотли, это Пивасик! — Борька поднял листок, на котором угадывалось нечто пернатое с несоразмерно большим клювом и единственной лапой. — А вот тут Валела, только хвост не помесается.

Я присел на край кровати и взял рисунок. Пивасик правда был хорош, хотя, если не знать оригинала, его вполне можно было принять за представителя инопланетной формы жизни. Или за Савелия Крамарова в костюме динозаврика.

— Борь, а Расскажи мне, что ты сегодня ел на завтрак?

— Касу и сялку. И сая с сахалом, — с готовностью начал он загибать пальцы. — Ой, не, не с сахалом, а плосто с молоком. Тетя Лида сказала, сахал для зубов плохо, и я тепель без сахала.

— Значит, тетя Лида сказала... — хмыкнул я и активировал диагностику.

Диагностика завершена.

Объект: Борис Богачев, 5 лет.

Основные показатели: температура 36,4 С, ЧСС 92, АД 95/58, ЧДД 22.

Обнаружены аномалии:

— *выраженный дефицит массы тела (ИМТ <3-го перцентиля для возраста и пола).*

— *железододефицитная анемия легкой степени (расчетный Hb ~105 г/л).*

— *остаточные фиброзные изменения нижней доли правого легкого.*

— *гиповитаминоз D.*

— *множественное нарушение звукопроизношения (функциональное, органическая патология артикуляционного аппарата не выявлена).*

Так, с этим понятно. А что с настроением?

Сканирование завершено.

Объект: Борис Богачев, 5 лет.

Доминирующие состояния:

— *Доверие безусловное (82%).*

— *Любопытство деятельное (74%).*

— *Потребность в одобрении (69%).*

Дополнительные маркеры:

— *Расширение зрачков при зрительном контакте.*

— *Открытая поза, наклон корпуса к собеседнику.*

— *Повышенная вербальная активность.*

— *Мимическое копирование собеседника.*

Доверие безусловное... При живых родителях... К доктору, которого он знает пару недель...

В горле встал комок. Ладно, потом.

А вот множественное нарушение звукопроизношения... Я, конечно, не логопед и не возьмусь ставить точный диагноз, но даже без Системы было слышно, что дело плохо. «Селгей Николаис» вместо «Сергей Николаевич», «смотли» вместо «смотри», «сялку» вместо «сырку», «тепель» вместо «теперь». Ни одного шипящего, ни одного «р», «л» мягкое и смазанное. В пять с половиной лет это, мягко говоря, не норма.

Система, впрочем, подсказала главное: органической патологии нет. Значит, небо целое, уздечка не мешает и нервы в порядке. Просто с мальчишкой никто не занимался и, скорее всего, с ним даже не разговаривали. Райка, видимо, считала, что речь вырастет сама, как сорняк на грядке, а Витьку и подавно было не до артикуляционной гимнастики.

— А я еще знаю букву А и букву О! — сообщил мне повторно ту же самую информацию Борька, отложив карандаш. — Килиеска научил. А «л» не знаю. Там палоска и крузосек, я путаю, как писать.

Палочка и кружочек? Это не «л», это «р»... Блин.

— Разберешься, не переживай, Борис, — сказал я. — Времени до школы хватит.

— А Пивасик может говолить «л»? — спросил он с надеждой.

— Пивасик может говорить что угодно, включая то, что приличным птицам говорить не положено, — ответил я. — Но «р» он, пожалуй, умеет.

— Тогда пусть меня усит, — решил Борька и заискивающе заглянул мне в глаза.

Интересно, выходит, он и сам понимает, что с ним не все так просто. Ему, без всяких сомнений, нужен логопед. Не через полгода и не когда-нибудь при случае, а срочно, прямо сейчас, пока мозг еще пластичен и мальчишка сам желает учиться. К школе он должен заговорить чисто, потому что иначе к речевым нарушениям добавятся трудности с чтением и письмом, а за ними потянется все остальное. Педагогическая запущенность — это не шутки. Еще и дети начнут передразнивать, в этом тоже мало хорошего.

В Морках, я узнавал, грамотных специалистов по коррекции речи не водилось. Женщину, которая числилась штатным логопедом, я не считаю — у нее вместо диплома какие-то курсы, причем довольно странные. А так-то она по основному диплому учитель рисования. И вот какой из нее логопед? Ближайший же специалист принимал аж в Йошкар-Оле, а это полтора часа только в одну сторону, и возить Борьку туда-сюда три раза в неделю некому. Если даже получится временная опека с Фроловой, то работает она сутками, собственного транспорта у нее нет, а автобус ходит дважды в день. Да и своих детей трое, так что глаз да глаз.

Я записал в блокнот: «*Логопед для Борьки. Искать варианты. Телемедицина? Волонтеры? Педколледж в Йо-О?*» И ниже, после секундного раздумья: «*Спросить Венеру. Она с детьми ладит.*»

Немного подумал и дописал: «*Или Айгуль*» — внучка Настасьи Прохоровны работала учительницей младших классов. Но тут поставил знак вопроса и подчеркнул. Не уверен, но пусть будет и запасной вариант.

Сложив блокнот, я обнаружил, что мальчишка снова рисовал, высунув кончик языка от усердия, и пытался-таки прилепить Валере хвост.

— Селгей Николаис, а у тигла бывает хвост?

— Конечно, — компетентно подтвердил я. — Длинный и полосатый.

— Тогда я тигла тозе налисую, — объявил он, нимало не усомнившись в том, что я прекрасно разбираюсь в тигриных хвостах. — С хвостом и с зубами. Тигл будет охлаждать Пивасика.

Я посмотрел на его сосредоточенное худое лицо, на тонкие пальцы, сжимавшие карандаш, на выпиравшие ключицы под больничной рубашкой, которая была ему велика. Пацану стукнуло пять с половиной лет, за которые он, судя по всему, не прожил ни одного нормального дня. Эмпиема, сепсис, алкоголичка-мать, уголовник-отец, ни садика, ни логопеда, ни собственной зимней куртки. И при всем этом мальчишка, как ни странно, рисовал тигра, который будет охранять попугая, потому что мир, даже такой фиговый, как у Борьки, видимо, устроен так, что кто-то должен кого-то охранять. Сильный всегда должен помогать слабому.

Нет, надо срочно найти логопеда.

Я уже взялся за ручку двери, когда за спиной раздалось:

— Дядь Селез! А я вас тозе налисую! Вы будете тут, лядом с тиглом!

Улыбнувшись, я согласно кивнул ему и вышел.

В коридоре снова достал телефон и увидел два пропущенных от Венеры. Тут же перезвонил.

— Сергей Николаевич, — тревожным голосом заговорила она. — Тимка звонил. Час назад. Пьянящий вусмерть, судя по голосу.

— Так... — напрягся я. — И что он сказал?

— Сказал, что был в прокуратуре и что написал заявление на вас и на меня. Что он нас обоих, как он сказал, «похоронит»! — Она всхлипнула, голос ее задрожал от обиды. — И еще сказал, что вы... что ты... сказал так: «Твой докторишка еще пожалеет, что сунулся в нашу жизнь».

Только этого мне не хватало... Позавчера же Караяннис сказал, что нужно любыми способами избежать всего подобного. И тут опять все не слава богу. А мне в Москву через два дня!

Я прислонился к стене, снова ощутив такое же странное покалывание в руках, причем сейчас оно было гораздо сильнее. Система молчала, но со мной определенно что-то было не так.

— Венера, ты помнишь, он конкретное что-то назвал? Статью, основание?

— Нет. Только «я все написал, там разберутся».

— Ясно. Напиши мне в сообщении, пожалуйста, дословно, что запомнила. Я скину своему юристу.

— Сергей Николаевич... Я виновата, что не остановила его тогда.

— Виноват он, что столько лет притворялся больным и обманывал тебя, — сказал я. — Не ты. Понимаешь? Все, не переживай. Сделаем так. Я заберу тебя после работы, и пойдем ко мне ужинать...

— Я не могу, Сергей Николаевич, — перебила она, — что люди...

— Да погоди ты! — отрезал я. — Мы же не одни будем, мы...

— Пивасик и Валера не считаются! — снова возразила она.

— Венера Эдуардовна! — строго сказал я. — Что за привычка перебивать коллег? Я же говорю, мы будем не одни. Ко мне гости приехали. Помнишь, я рассказывал про команду, которую подбирал для санатория? Вот. Познакомлю тебя с тетей Ниной и своим юристом Наилем. Как раз с ним и посоветуемся насчет Тимофея.

— Да? — удивилась Венера, и голос ее дрогнул от радости. — Они приехали? Ну тогда... ладно.

— Вот и договорились.

Попрощавшись с ней, я написал Наилу: *«Некий Тимофей Тумаев мог подать в моем отношении заявление в прокуратуру Й-Олы. Проверь»*.

Ответ пришел через минуту: *«Принял, Сергей Николаевич. Разберусь»*.

Следом связался с тетей Ниной, предупредив о том, что вечером у нас будут гости. То есть гостя.

Ну а далее я начал прием пациентов, который до обеда прошел ровно, без экстренных случаев: четверо записанных и один по острой боли, которая, к счастью, оказалась обострением хронического холецистита, а не чем-то хирургическим. Рутинная, которая, честно говоря, на фоне последних дней была почти расслабляющей.

После столовской гречки с котлетой я вышел на больничный двор и прогулялся вдоль забора, вместо того чтобы сидеть в ординаторской. На улице было морозно, но безветренно, снег искрился и чуть поскрипывал под ботинками. Дышалось хорошо-хорошо.

Пятнадцать минут ходьбы после еды, конечно, мелочь, но при моей инсулинорезистентности работающие мышцы забирают глюкозу без посредничества инсулина, и каждый такой бесплатный грамм чуть-чуть отодвигает стеноз сосудов. Если бы такую эффективность приду-мали в виде лекарства, оно бы стоило очень дорого! А тут бесплатно.

После обхода, проверяя телефон, увидел пропущенный от Евы и перезвонил.

— Сергей, я закончила предварительную финмодель, — вместо приветствия сообщила Ева. — Хочу посмотреть объект. Приеду завтра. Когда удобно?

— Утром?

— Выеду в семь. К девяти буду.

— Там не везде асфальт, — предупредил я. — Обувь бери соответствующую. Какую не жалко. И теплую.

— Переживу, — чуть помолчав, ответила Ева и повесила трубку.

Остаток рабочего дня пролетел незаметно.

Венеру я забрал после смены прямо из гинекологического отделения. Она ждала у входа в наброшенном на плечи пуховике, с полупрозрачным пакетом, в котором было видно батон, коробку конфет и пачку чая.

Поймав мой недоуменный взгляд, пожала плечами:

— Не с пустыми же руками к вам в гости идти. У нас так не принято.

Потом она молча села в машину и всю дорогу до дома Анатолия неотрывно смотрела в окно. Я, впрочем, тоже не лез с разговорами. Все еще ощущал какую-то неловкость, а она женским чутьем, видимо, поняла, что у меня теперь кто-то есть.

У калитки стоял Наиль в своем элегантном пальто, курил и притоптывал от холода.

— Сергей Николаевич, я, собственно, попрощаться хотел — ждал вас, — сказал он, торопливо пряча сигарету. — С утра надо быть в Казани, документы по ООО...

— Успеешь, Наиль, — перебил я. — Останься, поужинай с нами. Заодно по Тимофею поговорим. А пока вот, знакомься...

Наиль заинтересованно покосился на Венеру. Хмыкнув, я врубил эмпатический модуль и не ошибся: юрист определенно запал на Венеру, так что представлялся излишне суетливо, смущая молодую женщину.

А дома тетя Нина, разумеется, распорядилась вечером по-своему. Впрочем, ничего другого я от этой деятельной женщины и не ожидал.

Стол оказался накрыт так, будто к нам собирались не три человека, а целая бригада Япара.

Чугунок со щами из кислой капусты, от которых тянуло так, что слюна набегала еще с порога. Блюдо с пирожками: половина с картошкой, половина с ливером, который, как потом выяснилось, она выторговала у кого-то из соседей. Отдельная миска с квашеной капустой, политая единственным маслом, что она нашла в доме — оливковым. Соленые пупырчатые

огурчики, нарезанные вдоль. Истекающие соком лопнувшие помидоры. Маринованные белые грибочки с луком. Вареная картошка, щедро обсыпанная укропом.

Рядом стояла трехлитровая банка молока. Ну конечно, куда же без нее.

Молоко я решил отдать Венере с Фроловой, а вот остальное... Мысленно извинившись перед своим организмом, я решил, что воротить нос от таких пирожков — грех. Да и от всего остального.

Когда мы все уселись, причем — во избежание домыслов (и без того тетя Нина начала мне повсюду подмигивать и показывать украдкой большой палец) — я сел рядом с Наилем, а Венеру определил к тете Нине.

— Нина Илларионовна, — одобрительно сказал Наиль, демонстративно озирая стол, — вы таким количеством пирожков можете решить любой юридический спор во внесудебном порядке.

— Ешь лучше давай, великий юрист, — со смешком отбрила его тетя Нина, подкладывая ему четвертый, хотя он еще не доел второй. — А то худой какой, смотреть страшно.

Венера сначала сидела тихо, но после второй тарелки щей оттаяла, порозовела и даже улыбнулась, когда тетя Нина рассказала, как однажды прыгнула с отъезжающего поезда под Ярославлем, потому что ей показалось, что она увидела на перроне Георгия Вицина.

Рассказав юридический анекдот, Наиль отодвинул тарелку и переключился на рабочий тон — порасспросил Венеру о Тимофее и его жалобе, потом отошел кому-то позвонить и вернулся уже с информацией.

— По Тимофею, — тихо сказал он, после чего все мгновенно притихли и даже перестали стучать ложками. — Я проверил. Пока ничего не зарегистрировано. Это не значит, что не подал, просто система обновляется с задержкой. Но, судя по тому, что Венера рассказала, он звонил пьяный и, скорее всего, не врал. Возможно, пришел, накричал на дежурного и ушел. Даже если написал заявление, оно должно содержать конкретику: какие действия, какой врач, какие нарушения. То, что он там придумывал, пока не основание для проверки.

— А если найдется основание? — спросил я.

— Тогда прокуратура направит запрос в Росздравнадзор, те пришлют проверку в ЦРБ. Это небыстро, от месяца до трех. И проверять будут не тебя лично, а учреждение. Вашему главврачу, Александре Ивановне, это понравится еще меньше, чем тебе.

— Значит, ждем?

— Ждем и не нервничаем, — подтвердил Наиль. — Я попробую разобраться по своим каналам.

Венера, слушавшая весь разговор, негромко сказала:

— Он не остановится. Он упертый, я его знаю. Пока не добьется своего, не успокоится.

— Пусть его, девонька, — успокаивающим голосом ответила тетя Нина, наливая ей чай. — У нас Сергей, чай, не пальцем деланный, доктор заслуженный! Все Морки его уважают, а через это и мне уважения вон сколько уже перепало! Все хорошо будет. Вот увидишь...

Наиль уехал около девяти, пообещав позвонить, как только появится новая информация. Я проводил Венеру до дома Фроловой и вернулся к себе в летнюю кухню. Тетю Нину беспокоить уже не стал, ей нужно было отдохнуть после переезда.

Сев за программу диссертации, я в последний раз прошелся по структуре. Завтра суббота, а во вторник мой бывший ученик, а сейчас научный руководитель Борис Альбертович будет смотреть на эти бумаги и решать, стоит ли тратить на меня время. Программа была готова. Характеристику Сашуля подписала. Оставалось не опоздать на самолет — вылетать я решил все-таки из Казани, так как аэропорт в Йошкар-Оле закрыли на реконструкцию.

А когда лег спать, вдруг позвонила Анна Александровна. То есть Анечка.

— Я, наверное, помешала, Сережа? — вкрадчиво сказала она.

— Нисколько.

— Сережа... Я хотела сказать одну вещь. — Голос у нее изменился, стал еще ниже и мягче. — Сразу не решилась, потом постеснялась, а сейчас... в общем, хочу, чтобы ты знал.

— Что такое? — насторожился я.

— Я, как ты понимаешь, не девочка, — издала смешок Аня. — Замужем дважды побывала. И знаешь... ни разу за всю жизнь не чувствовала ничего похожего на то, что было между нами. У тебя какие-то необыкновенные руки... и не только они. Я до сих пор ощущаю каждое прикосновение. Буквально каждое. Ты понимаешь, о чем я?

Я понимал. Клиентки в спа-салоне говорили примерно то же, и объяснения этому у меня пока так и не было. Ночь с Аней лишь позволила убедиться в том, что эта аномалия никуда не исчезла, а может, даже окрепла.

— Понимаю, — сказал я. — Спасибо.

— Это не комплимент, — возразила она с легким смехом. — Это факт. Скажу прямо, Сереж, я в жизни не бывала на седьмом небе столько раз за одну ночь! Ты вернул мне вкус к жизни. Спасибо тебе за это огромное! Никогда не забуду. И... Когда мы снова увидимся?

— Я во вторник утренним рейсом лечу в Москву, в Казань приеду в понедельник...

— Ничего не планируй! — торопливо перебила Аня. — Вечер и ночь только наши! Ладно?

— Ладно, — улыбнулся я.

После того как мы попрощались, я еще долго сидел, с дебильной улыбкой глядя на погасший экран телефона. Странно. Будь на моем месте кто-то еще... мог бы пойти легким путем дамского угодника. Причем при высокопоставленной покровительнице можно было бы стереть в порошок и Ирину, и Михайленко с этим дураком Лысоткиным, и того же Харитонову... И путь этот, при всей его так себе морали, был довольно приятен. Но не для меня, потому что...

Додумать эту мысль я не успел. Покалывание, начавшее беспокоить утром, вернулось, на этот раз сильнее: прошило ладони, поднялось до локтей, ушло в плечи...

...и отпустило. Перед закрытыми глазами на секунду мелькнула картинка: концентрические кольца, плотные, слоистые, как срез безоара Настасьи Прохоровны.

Система по-прежнему молчала, даже особого стресса не зафиксировала, хотя я снова запаниковал. Аж сердце сильнее забилося.

Я опустил на матрас, укрылся одеялом и долго лежал, прислушиваясь к рукам, потом запустил самодиагностику и не увидел ничего страшного.

Черт, да что со мной не так?

Глава 2

Проснулся я от того, что обе руки, от кончиков пальцев до позвоночника, пронзила боль, которая затихла, но продолжала мелко и настойчиво напоминать о себе.

Четвертый раз за сутки, и чем дальше, тем сильнее и дольше. Любой невролог на моем месте, пожалуй, давно бы уже запереживал, а мне с моим опытом было еще хуже: когда знаешь слишком много диагнозов, каждый кажется вероятным.

И Система, как назло, молчала. Вчерашняя экспресс-проверка ничего особенного не показала — все оказалось чисто. Ни ишемии, ни невропатии, в общем-то ничего, что объясняло бы покалывание.

Ладно. Раз быстрая проверка ничего не показала, запущу полную.

Сев на узкой кровати и прислонившись спиной к прохладной стене, я запустил полную самодиагностику. Ресурсов она потребляла куда больше, но деваться было некуда.

Самодиагностика завершена.

Епиходов Сергей Николаевич, 36 лет.

День с момента активации: 50.

Текущее физическое состояние: умеренное (положительная динамика сохраняется).

Прогнозируемая продолжительность жизни: 4 года 2 месяца — 5 лет 8 месяцев.

Динамика патологий:

— *Атеросклероз коронарных сосудов: стеноз 31,4% (было 32,8%). Регрессия ускоряется. Эндотелиальная функция восстановлена на 47%. Бляшки стабильны.*

— *Печень: фиброз F1 → F0–F1 (переходная зона, фиброзная ткань –9%). Биохимические показатели в норме. Начальные признаки обратного ремоделирования подтверждены.*

— *Углеводный обмен: инсулинорезистентность снижена суммарно на 48%. Преддиабет компенсирован, тенденция к нормализации.*

— *Бронхолегочная система: вентиляция в норме. Сатурация 98–99%.*

— *Реология крови: вязкость в норме. Риск тромбообразования — низкий.*

— *Масса тела: 115,4 кг (–13,6 кг от исходного, –2,4 кг за 9 дней). Потеря жировой массы преобладает. Мышечная масса нарастает. Базальный метаболизм +7%.*

Ключевые показатели:

— *Без алкоголя: 1 187 часов.*

— *Без никотина: 1 201 час.*

— *Артериальное давление: 120/76 в покое.*

— *Пульс покоя: 63.*

— *Кортизол: превышение в 1,6 от нормы (хронический стресс, 3+ параллельных конфликтов). Компенсируется физической активностью, но резерв сужается.*

— *Сон: нестабильный, 6 часов 24 минуты в среднем за 9 дней (рекомендация: 7–8). HRV 52. Латентность засыпания — 22 минуты.*

— *Физическая активность: регулярная. VO₂ max: рост на 11% от исходного. Эластичность сосудистой стенки +14%.*

Системная оценка: органическое восстановление опережает график. При сохранении текущего режима выход на «умеренное, ближе к легкому» через 60–80 дней. Хронический дефицит сна и повышенный кортизол замедляют восстановление на 20–25%. При нормализации сна прогноз жизни может быть скорректирован до 6–7 лет.

Рекомендация: приоритизировать сон. Тело восстанавливается быстрее, чем ожидалось. Не тормозите его.

Я внимательно прошелся по результатам дважды, но не ради цифр — они были хорошие, местами даже неожиданно хорошие. Так, что я даже улыбнулся. Портили картину только кортизол и сон, но это я и без диагностики знал.

А вот про покалывание — ни слова. Система зафиксировала бы невропатию, ишемию, компрессию, да что угодно, будь что-то такое, но... нет. Значит, странные ощущения, от которых я проснулся, не были связаны с моим здоровьем. Так? Я надеялся, что да.

Впрочем, заламывать руки и переживать времени не было, я в кои-то веки выспался, что было прекрасно, но оттого не успевал нормально выполнить все свои утренние ритуалы, потому что через час приезжала Ева.

Так что, умывшись и выпив стакан воды, я сделал во дворе сокращенную зарядку — двадцать отжиманий, тридцать приседаний, планка на минуту — и, пока тетя Нина накрывала завтрак в доме, успел позвонить в санаторий Тайре Терентьевне и предупредить, что приеду с гостьей.

На крыльце появилась тетя Нина, увидела меня по пояс раздетого и покачала головой:

— Сергей, ты чего свою гимнастику на холоде делаешь? Иди в дом, я там протопила. Завтракать будем!

— Спасибо, Нина Илларионовна, я почти закончил. После завтрака пойду гостью встречать.

— Какую еще гостью? — насторожилась тетя Нина.

— Ну, Еву, дочку Александра Михайловича, помните, я вам о них вчера рассказывал? Приедет из Казани, повезу ее в санаторий.

Тетя Нина ахнула, моментально сменила выражение лица с заботливого на тревожное, поправила волосы и скрылась в доме — видимо, готовиться к приему гостей. Причем случилось это так быстро, что я не успел предупредить, что вряд ли Ева зайдет в дом.

Облившись ведром воды, я растерся полотенцем, оделся и пошел завтракать.

Еда была такой калорийной, что я твердо решил побеседовать с тетей Ниной о том, что жареная на сале яичница с луком, помидорами и гренками, да еще и с драниками вприкуску, конечно, вкусна, но... Впрочем, больших «но» я не нашел, учитывая, что это завтрак, и с удовольствием употребил всю тарелку, запил горячим крепким чаем с малиновым вареньем и пошел мыть тарелку.

— А ну положь! — со свирепым видом пригрозила мне тетя Нина. — Ишь еще чего удумал!

Пожав плечами, я оставил тарелку и вышел к калитке.

Утро было морозным и тихим. Дым из труб поднимался вертикально, снег хрустел под ногами, где-то через два дома лениво брехала собака.

Я решил прогреть пока машину, а без пяти девять у дома остановился черный Audi Q5 с казанскими номерами.

Ева вышла в темно-сером пальто и кожаных ботинках на рифленой подошве. Темные очки, сумка с ноутбуком через плечо, а в руке термокружка с, надо полагать, кофе.

— Доброе утро, Сергей! — Девушка окинула скептическим взглядом двор Анатолия. — Два часа по трассе и двадцать минут по тому, что ты назвал дорогой, и я на месте. Уверен, что сюда будут ездить?

— Это еще была хорошая грунтовка, — усмехнулся я. — До санатория все хуже, так что... — Я неодобрительно осмотрел посадку ее машины. — Так что лучше дальше двинем на моей. А ездить сюда будут, поверь. Ради красоты и здоровья люди готовы пустыню Гоби пешком перейти.

Она кивнула, потом посмотрела на мой внедорожник, перевела взгляд на свои ботинки и без слов села на пассажирское. Термокружку сунула в подстаканник, а ноутбук положила на колени.

По дороге к санаторию Ева молчала, уставившись в экран компьютера. Видимо, не хотела терять ни минуты рабочего времени. Впрочем, я разговаривать с ней тоже пока желанием не горел. Тут показывать нужно, объяснять наглядно.

За окном густо стоял темный ельник, щедро припорошенный вчерашним снегом, а между деревьями мелькали просветы молочного неба. Грунтовка петляла, ныряя то в колею, то обратно, машину мотало с ухаба на ухаб, и на одной особенно глубокой рытвине Ева, довольно рискованно решившая попить кофе, перехватила кружку покрепче, но даже не охнула. Характер.

Я припарковался у крыльца, и мы вышли. Ева огляделась, и я увидел, как у нее чуть дрогнул уголок рта.

— Сергей, — негромко сказала она. — Ты ведь понимаешь, что это еще хуже, чем я себе представляла?

— Подожди с выводами, — ответил я. — Это просто обертка.

Тайра Терентьевна ждала нас у ворот, закутанная в пуховый платок поверх ватника. Судя по поджатым губам, старуха основательно подготовилась отстаивать честь санатория перед кем угодно.

Я представил ей Еву, которая скупно поздоровалась, и Тайра Терентьевна, повздыхав и поохав, засуетилась:

— Ну, пойдемте. — И пошла вперед не оглядываясь.

По дороге Тайра Терентьевна бормотала себе под нос, но достаточно громко, чтобы мы слышали:

— Плиту в последний раз проверяла в сентябре, работает. Холодильную камеру не трогайте, там компрессор менять надо, но стенки целые... Лепнину в восемьдесят восьмом реставрировали, из Йошкар-Олы бригаду привозили. А трещина — это уже после, когда отопление отключили и стена промерзла.

Ева шла за ней и фотографировала, на первый взгляд, все подряд. Осыпавшийся фасад, заколоченное фанерой окно на втором этаже, осыпавшийся ракушечник — телефон щелкал через каждые три шага. Ржавые перила крыльца скрипнули у нее под ладонью, когда она проверила, держат ли.

В столовой стояла промышленная плита, которую, по идее, ее можно было запустить, если подключить газ. Остальное оборудование, по всей видимости, помнило еще Брежнева. Актный зал с уцелевшей лепниной на потолке был, пожалуй, единственным помещением, не вызывавшим желания его развидеть, — если, конечно, не считать глубокой трещины через всю стену наискосок.

Комнаты на втором этаже произвели самое тяжелое впечатление, причем даже на меня, готового к чему-то такому. Продавленные пружинные кровати, обшарпанные стены, занавески, выцветшие до неопределенного цвета, порывшиеся ватные матрасы. В коридоре к тому же пахло сыростью. Чаша бассейна, к счастью, осталась цела, но вокруг переливались всеми цветами плесень и разводы от протечек.

Ева остановилась посреди коридора, опустила телефон и потеряла переносицу двумя пальцами.

— Сколько палат в рабочем состоянии? — спросила она. — Хотя бы условно рабочем?

— Ни одной, — повздыхав, честно ответила Тайра Терентьевна. — Но стены крепкие, фундамент не просел, и перекрытия ни разу не текли.

— Это главное, — сказал я. — Все остальное — косметика и оборудование.

Хмыкнув, Ева задержалась у бассейна. Скептически осмотрела мокрый потолок, плесень, сгнивший плинтус. Наверняка калькулятор в ее очаровательной головке уже прикинул, в какую сумму обойдется эта «косметика». Однако Ева не стала спорить, промолчала, разве что сделала пометку в телефоне и пошла дальше.

Тайра Терентьевна, уже понявшая, что эта девушка — дочь того самого инвестора Александра Михайловича, совсем распереживалась и шепотом пыталась выведать у меня, есть ли еще надежда на восстановление санатория.

На третьем этаже, в библиотеке, Ева наконец остановилась. На полках ровными рядами стояли запыленные, но целые тома: «Курортология и физиотерапия» Обросова, энциклопедический словарь «Курорты» под редакцией Чазова. «Основы бальнеологии и курортного лечения» Александрова. Подшивки «Вопросов курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры» за тридцать с лишним лет — с семьдесят второго до двухтысячного, — аккуратно перевязанные шпагатом.

На подоконнике досыхал желтоватый скелет кактуса в горшке.

— Кто-то поливал его, — заметила Ева и посмотрела на Тайру Терентьевну. — Он недавно засох.

— Я поливала, — ответила та и вздохнула: — Сдох все равно.

Ева посмотрела на нее, потом на кактус и спрятала телефон в карман. Похоже, решила, что сбор данных на этом можно закончить, а кактус стал для нее олицетворением всей ситуации в целом.

Но мы не закончили, потому что самое важное я приберег напоследок.

Мы спустились по лестнице — Тайра Терентьевна шла впереди. Видимо, заметив недовольное лицо Евы, повела нас другой дорогой, не через корпус, а запасным ходом — и выбрались мы во двор через заднюю дверь. Я тоже с наслаждением вдохнул морозный воздух после затхлых коридоров.

И вот мы дошли до бювета.

Небольшое каменное строение в стороне от главного корпуса, соединенное с ним теплым переходом, с осыпавшимся мозаичным панно на стене. Из четырех краников по-прежнему работал один — крайний левый. Тайра Терентьевна включила рычаги, вода полилась с легким журчанием.

— Попробуй, — сказал я.

Ева глянула на меня с выражением человека, которому предложили добровольно прыгнуть в прорубь, но подставила ладонь и глотнула. Щеки у нее дрогнули, губы сжались в нитку.

— Солоноватая, — выдавила она. — И горчит. Люди это пьют? Добровольно?

— Охотно. Минерализация четыре и шесть, сульфатно-кальциевая. Ближайший аналог по составу — кисловодский «Нарзан». И еще Баден-Баден. Для Поволжья уникальная, второго такого источника здесь нет.

Ева вытерла руку о платок и уставилась на тонкую струйку, которая стекала в фаянсовую раковину, оставляя на ней рыжеватый подтек. Я видел, как у девушки в голове пересчитывается финмодель: здание — катастрофа, дорога — еще хуже, персонала нет, лицензий нет, а вот вода...

— Нужна лицензия на добычу, — сказала она уже другим тоном, деловым. — Без нее мы не можем использовать воду в медицинских программах, это первое, что спросят при лицензировании учреждения. — Ева постучала ногтем по краю раковины, и с нее посыпалась рыжая крошка. — Значит, это приоритет номер один. Не ремонт, не трубы, не персонал. Сначала — бумага на воду.

Не ожидал я, что она так быстро расставит приоритеты. Алиса на ее месте сказала бы «интересно» и перешла к следующему пункту. Михалыч, скорее всего, захотел бы начать с ремонта, а бумажками пусть специально обученные люди занимаются.

А вот Ева... Ева меня впечатлила. Я даже начинал преклоняться перед ее бизнес-хваткой и мышлением.

— Согласен, — кивнул я. — Наиль должен быть в курсе насчет лицензии.

— Проверю, — буркнула Ева и достала телефон, сделала пометку.

Мы вышли из бювета на мороз, и она, прежде чем пойти дальше, обернулась и окинула взглядом круглое строение с осыпавшейся мозаикой.

— Пятигорск тоже начинался с минерального источника, — задумчиво сказала она то ли мне, то ли размышляя вслух, и пошла дальше.

А я остановился, потому что у бокового крыла происходило нечто, чего я не ожидал.

Япар Сербаев и его ребята разбирали завал из гнилых досок, битого шифера и ржавых труб. Мужиков было семеро, включая Томая и Сармана, и работали они, судя по увиденному, не спеша, с перекурами и прибаутками. Но ведь работали!

Когда мы с Карасевым договаривались, речь шла о том, что община поможет, когда документы будут готовы. Наиль только начал оформлять ООО, кадастровый запрос в работе, до аренды или хотя бы предварительного договора с администрацией... еще ого-го. А эти уже вкалывают. Карасев, видимо, решил не ждать бумажек и дал своим отмашку. С одной стороны, здорово, что время даром не теряется. С другой — это самоуправство на муниципальном объекте, и если кто-нибудь из администрации приедет с проверкой...

Впрочем, додумать я не успел, потому что Ева уже увидела.

— Это кто? — поинтересовалась она.

— Это, Ева Александровна, Япар Сербаев, бригадир, — задумчиво произнес я. — Племянник Филиппа Петровича Карасева, старейшины здешней общины. Бригада работает по договоренности с ними. Вот только...

— ...они поспешили, — закончила за меня Ева. — Ладно, пойдемте разбираться.

Мы подошли к Япару, я поздоровался с ним и остальными, потом представил спутницу:

— Ева Александровна — представитель инвестора, возможно, будущий операционный директор.

Япар вытер ладонь о штанину и коротко пожал мне руку.

— Здравствуйте, — сказал он нам и скривился, смерив Еву взглядом с головы до ног.

По всей вероятности, решил, что она пустоголовая красивая кукла, которой дали поиграться с папиными деньгами. Или... что она чья-то любовница, потому что о том, что она дочь Михалыча, я распинаться не стал. Просто сказал, что она представляет инвестора и будет, возможно, операционным директором.

Считав его мысли, Ева повернулась ко мне:

— Сергей, объясни мне одну вещь. На каком основании эти люди ведут работы на объекте, который принадлежит муниципалитету? Насколько я знаю, на данный момент у тебя нет ни договора аренды, ни предварительного соглашения, ни даже протокола о намерениях. Правильно я понимаю?

— Правильно, — кивнул я, понимая, что эта сценка разыгрывается прежде всего для Япара, не для меня.

— И при этом семь человек демонтируют конструкции на муниципальном объекте, который к тому же находится в границах особо охраняемой природной территории. Ты понимаешь, что это не предпринимательский риск, а статья? Плюс самовольное занятие земельного участка.

Япар, слушавший весь разговор, неторопливо снял рукавицу и вытер лоб.

— Филипп Петрович решил — значит, решено, — глухо сказал он, обращаясь только ко мне. — Мы мусор убираем, не строим. Мусор никому не нужен. Раньше начнем — раньше закончим.

— А если администрация приедет с проверкой? — спросила Ева.

— Не приедет, — нехотя ответил Япар, все так же глядя только на меня. — Тридцать лет не приезжала.

— Это не аргумент.

— Для Морков — аргумент, — ответил он, медленно подбирая русские слова. — Послушай, девушка... как там тебя... Ева, что ты нам голову морочишь? Аргумент — не аргумент? Мы работаем, ясно тебе? — Он посмотрел недовольно на меня и заявил: — Убери ее, Сергей Николаевич. Куда она лезет? Мы тут просто мусор убираем.

— Боюсь, убрать ее не получится, — покачал головой я. — У нее мозгов больше, чем у нас всех, вместе взятых. Так что слушаем ее, мужики.

Те недовольно зашумели, а Ева, нахмурившись, повернулась ко мне:

— Сергей, я не могу представить инвестору проект, в котором строительные работы начались до подписания правоустанавливающих документов. Если тот же Косолапов узнает, что вы ведете демонтаж без разрешения, он одним заявлением похоронит вашу заявку.

Она была права, и я это понимал, но проблема заключалась в том, что Карасев, так оперативно отправив бригаду, оказал нам услугу, которую нельзя отвергнуть, не оскорбив его. И тогда санаторий уплывет к Борьке Косолапову и ижевским.

— Ева, формально ты права, — сказал я. — Но тут работает другая арифметика. Филипп Петрович дал нам людей не по договору, а по слову. Он же обещал, что санаторий будет наш, а в этих краях слово весит больше, чем любая бумажка. Если я сейчас скажу «стоп, ждем бумаги», он подумает, что мы ему не доверяем. После этого ни бригады, ни охраны территории, ни содействия с землей мы не получим. А Косолапов получит.

— То есть вы бежите впереди документов и надеетесь, что бумаги догонят?

— Именно так, — ответил я, решив все же прояснить с Карасевым, что к чему и не бежит ли уже он вперед документов.

Ева достала блокнот и записала, проговаривая вслух:

— Юридический статус объекта — ноль. Правоустанавливающие документы — в процессе. Работы ведутся де-факто без правового основания. Риск: административный, уголовный, репутационный. — Она подняла глаза. — Я внесу это в отчет. И первое, что обсужу с твоим юристом, — как легализовать то, что уже происходит. Задним числом, если потребуется.

— Договорились, — кивнул я.

— А вы, — Ева повернулась к Япару, — хотя бы понимаете, что работаете без договора? Что, если что-то случится — травма, пожар, — вам никто ничего не заплатит? Юридически вас здесь нет.

— Мы тут не за деньги, — ответил тот, все так же не глядя на нее. — Мы за место. Филипп Петрович сказал, что Сергей Николаевич хочет поднять санаторий, и духи одобряют. Значит, надо помочь. Деньги — потом. Сначала дело.

Ева открыла рот... и закрыла. Я видел, как она пытается уложить услышанное в свою систему координат, где есть контракты, КРІ и штрафные санкции и где нет категории «духи одобряют».

— Ладно, — наконец сказала она безэмоциональным тоном. — Я уважаю ваше желание помочь. И то, что духи одобряют, тоже уважаю. Но буду настаивать на том, чтобы договор появился в ближайшие две недели. С каждым из вас. Письменный.

— Если Филипп Петрович скажет — подпишем, — ответил Япар.

Ева достала из сумки какую-то распечатку и сказала:

— Тогда мне нужно уточнить несколько вопросов по объемам работ. Кто из вас отвечает за электрику? Есть ли допуск к высотным работам? Бюджет первой очереди по материалам согласован?

Япар повернулся к ребятам и коротко бросил что-то на марийском. Мужики кивнули и расслабились.

— Я задала вопрос по-русски, — ровным голосом произнесла Ева, но уши ее покраснели. — Ответ хотелось бы получить тоже по-русски.

Япар теперь уже глядел на нее в упор и отвечал неторопливо:

— Мы тут сами знаем, что делать. Бумажки не нужны.

— Бумажки — это смета. Без сметы нет финансирования. Без финансирования нет зарплаты. Вашей зарплаты.

Повисла тишина. Сарман, видимо от неловкости, переступил с ноги на ногу. Томай уставился куда-то мимо Евы. Япар, впрочем, не отвернулся и тяжело посмотрел на нее.

Я не вмешивался. Ева, в конце концов, справлялась.

— Значит, так, — медленно проговорил Япар. — Электрика — Томай. Допуск высотный у троих. Смету на материалы считал я, в голове. Но, если надо на бумаге, сделаем на бумаге.

— Хорошо, — кивнула Ева. — Тогда к понедельнику мне нужна эта смета на бумаге. С цифрами.

Япар не ответил, но и не возразил. Просто повернулся к ребятам, снова что-то бросил по-марийски, и мужики вернулись к работе.

— Едем назад? — поинтересовался я.

Ева посмотрела на меня как на дурачка и фыркнула:

— Да что ты, Сергей. Мы только начали.

Глава 3

Следующие два часа мы провели на территории санатория. Ева обошла здание по периметру, сфотографировала крышу с четырех сторон, потрогала кладку в местах, где штукатурка отвалилась до кирпича, и долго стояла у котельной, разглядывая ржавый котел через выбитое окно.

Пару раз она задавала вопросы Тайре Терентьевне, и та отвечала что-то вроде:

— Крыша текла в восемьдесят девятом, латали. Котел работал до девяносто третьего. Трубы меняли один раз, при Андропове еще.

Я шел рядом и не мешал, просто наблюдая за работой двух профессионалов: старого — советской закалки и нового — с европейским образованием.

Ближе к полудню, когда мы вернулись к моей машине, Ева разложила на капоте распечатанный план территории и принялась чертить зоны.

Япар подошел к нам.

— Вот тут, — ткнула Ева карандашом в схему участка, — оптимальное место для парковки и подъезда. Ровная площадка, подход к трассе короче, но мешает группа деревьев. Придется убрать.

Я проследил, куда она показывала, и напрягся. Священная роща. Япар, разумеется, тоже понял, о чем речь, и лицо его окаменело.

— Рощу трогать нельзя, — сказал он. — И точка.

— Это оптимальная зона для подъезда, Япар, — возразила Ева, не отрываясь от чертежа. — Ну сами посмотрите. Парковка мест на тридцать, разворотный круг для скорой, пологий пандус для маломобильных. Если переносить южнее, потеряем двести метров подъездного пути и увеличим расходы на дренаж.

— Рощу трогать нельзя, — повторил Япар.

Ева подняла голову и потребовала:

— Объясните тогда почему.

— Потому что нет.

Пока Тайра Терентьевна общалась с Япаром, я, взяв за локоть, отвел Еву в сторону и тихо объяснил:

— Тут священная роща для марийцев, трогать ее и правда нельзя, и это еще одно условие Карасева. Как я уже говорил, Филипп Петрович — старейшина здешней общины, и слово его в районе значит побольше, чем распоряжения главы администрации. Ну, по крайней мере, мне так объяснили люди, которым я доверяю. Без этих деревьев мы останемся без этих людей, то есть без бригады, без охраны территории, без всего, что мы тут имеем, но хуже того, можем вообще не получить землю.

— Сергей, ну что за ересь в двадцать первом веке, а? — спросила Ева. — Ты строишь бизнес или капище?

— Бизнес, в котором эти люди работают за идею. Сохранность рощи — условие, Ева Александровна, которое не обсуждается.

— Какое-то мракобесие! Вы же ученый!

— Понимаете, Ева Александровна, — это не просто кучка деревьев, на которую они суеверно молятся. Это храм божий. И уничтожить хоть одно священное дерево — примерно то же самое, что прийти в церковь или мечеть и сжечь их. Эти деревья — точно такой же храм, просто мы его не видим. А вот они видят. Когда сгорел Нотр-Дам-де-Пари — весь мир ахнул. Когда талибы разрушили уникальные статуи Будды, все были в шоке. Но почему-то никто даже не почешется, когда уничтожают священные места вот таких народов, как марийцы... А ведь эти рощи — такой же Нотр-Дам...

Она повернулась к роще, которая была небольшой, но густой: старые дубы, несколько лип и берез, под которыми почти не росла трава. Земля была чистая, будто ее регулярно приводили в порядок, но между деревьями темнел круг старого кострища. На ветвях висели выцветшие ленты, узелки ткани и почерневшие от дождей монеты.

— Ладно, перерисую план, — вздохнула Ева. — Но я хочу поговорить с этим Карасевым. Когда можно с ним встретиться?

— Точно не сейчас, — сказал я. — Доверься мне.

Ева поджала губы, но кивнула. Убрав распечатку в сумку, она пошла дальше, а когда я догнал и подстроился под ее шаг, сказала:

— Сергей, мне нужен полный реестр обременений по участку. Все деревья, ручьи, тропинки, пасущиеся коровы и воркующие суслики — все, что может остановить стройку. Даже эльфы, если они есть, должны быть в списке. Хорошо? К моему следующему приезду. Чтобы подобных сюрпризов больше не было.

Требование, по правде говоря, было справедливым, и спорить с ним не хотелось.

— Хорошо.

Япар, когда мы проходили мимо, негромко произнес по-русски:

— Деревья стоят дольше, чем люди.

— Я уже поняла, Торук Макто, — фыркнула Ева.

Только через пару минут до меня дошло, что это была отсылка к «Аватару» Джеймса Камерона, где инопланетные аборигены тоже протестовали против вырубки священных деревьев. Что ж, по крайней мере, у девушки все-таки есть чувство юмора.

Мы еще минут двадцать ходили вдоль ограды: Ева фотографировала подъездную дорогу и водоотвод, Тайра Терентьевна показывала, где проходит граница участка. Когда вернулись к моей машине, Ева уже ничего не спрашивала и не комментировала — просто молча опустила на пассажирское сиденье и сосредоточенно уткнулась в телефон.

На мои попытки заговорить она отвечала односложно, и я отстал. Ну, бывает такое, когда вот совсем-совсем ничего общего. Ладно, нам с ней детей не крестить.

К дому Анатолия мы вернулись около двух. Ева всю обратную дорогу что-то печатала — видимо, по горячим следам писала отчет об объекте, чтобы не терять времени.

Впрочем, работала она недолго, потому что мы быстро приехали, а там нас уже будто ждала тетя Нина, во всяком случае, у калитки стояла. По тому, как она пошла навстречу, едва «Паджеро» показался из-за поворота, я понял, что ожидание далось ей нелегко.

— Ну? — выпалила она, прежде чем мы успели выйти из машины. — Как ей наш санаторий?

Чуть смутившись от такой бесцеремонности, я сказал:

— Нина Илларионовна, познакомьтесь, это Ева Александровна. — Повернулся к дочке Михалыча. — А это Нина Илларионовна, я вам о ней рассказывал.

— Очень приятно, — торопливо проговорила тетя Нина и тут же, не удержавшись: — Ну и как тебе санаторий, Ева?

— Здание в тяжелом состоянии, — отчеканила ледяным тоном Ева. — Дорога непригодна для регулярного движения. Документов нет, лицензий нет. Первая очередь — не четыре месяца, а полтора года минимум. Проект крайне затратный и вряд ли окупаемый.

Тетя Нина побагровела.

— Полтора года? Девочка, — проговорила она тем тоном, каким разговаривают с людьми, не понимающими, чего стоит живая работа, — я вчера там была, своими глазами все видела. Стены крепкие, крыша держит, фундамент на месте. Да там за месяц первое крыло в порядок можно привести, если мешать никто не будет!

Ева выслушала не перебивая и негромко ответила:

— Нина Илларионовна, я не хороню проект, а считаю, сколько он стоит и сколько займет времени. Это разные вещи.

Тетя Нина открыла рот, закрыла, изумленно повернулась ко мне:

— Сережа, она всегда так разговаривает?

— Она экономист, считает деньги, — ответил я. — Это у них профессиональное.

— Ну-ну, — хмуро буркнула тетя Нина. — Пойдемте хоть обедать, экономисты. Я щей наварила, пирожков напекла, остыло все давно, думала, вы раньше вернетесь!

Признаю, ожидал от Евы всякого вплоть до «нет, спасибо, мне пора ехать» или «мне просто воды», но повела она себя в убогом домишке вполне достойно. Не кривилась, не морщилась, не заявляла, что останется в обуви. Нет. Разулась, разделась, сунула ноги в предложенные тетей Ниной войлочные чуни, села за стол и начала уплетать щи за обе щеки, да так, что даже уши порозовели. Видимо, не всегда она как сыр в масле каталась. Был в жизни Михалыча, очевидно, и период попроще. Удивительно, но даже эмпатический модуль показал, что нет в ней ни капли пренебрежения или безразличия.

Сканирование завершено.

Объект: Ева Александровна Ракицкая, 27 лет.

Доминирующие состояния:

— *Усталость накопленная (74%).*

— *Голод физиологический (69%).*

— *Настороженность фоновая (52%).*

Дополнительные маркеры:

— *Кортизол ниже утреннего значения.*

— *Трапецевидные мышцы: тонус снижен на 40%.*

— *ЧСС 68, ритм стабильный.*

Да, легкая настороженность в новом для себя месте и с незнакомыми людьми, но это вполне нормально.

В общем, за столом обе оттаяли. Тетя Нина подкладывала Еве пирожков на тарелку, не спрашивая, а девушка, к моему удивлению, доела щи, смолотила штук пять пирожков с кислой капустой, с луком и яйцами да с картошкой и вполне искренне (эмпатический модуль подтвердил) поблагодарила:

— Спасибо большое, Нина Илларионовна, все было очень вкусно!

После чего начала собираться.

— Сергей, предварительный отчет я пришлю завтра к вечеру, — сказала она, надевая темные очки. — Смета первой очереди, реестр вопросов к Наилу, график лицензирования. И список того, чего я не получила сегодня.

— Длинный список?

— Терпимый. — И впервые за весь день скупно улыбнулась.

Я протянул руку. Она крепко, деловито пожала и задержала на пару секунд дольше, чем нужно. Кожа к коже, две секунды, три...

Удар.

Ощущение было такое, будто кто-то резко содрал кожу с ладони и обнажил нервы. Информация хлынула волной, причем это были не данные Системы, а образы и картинки, слой за слоем, как кольца безоара Настасьи Прохоровны.

Свежий, верхний слой: кортизол выжигает надпочечники. Застарелое микронапряжение трапецевидных мышц, как у человека, который круглосуточно контролирует позу, плюс эрозия слизистой желудка от стресса и кофе натошак, месяцев восемь минимум. Хм... А глубже

— травма правого голеностопа, полученная года три назад. Срослось неидеально, при нагрузке побаливает. Девочка бегала? Танцевала? Ага, лыжи, полет, неудачное приземление и боль...

А еще глубже было запрятано то, от чего я вздрогнул.

Рубец на эндометрии, то есть слизистой оболочке матки, обильно снабженной сосудами. Хирургическое прерывание беременности, семь лет назад, когда она училась в Лондонской школе экономики... Вечеринка... Алкоголь... Назойливые ухаживания и...

Ева вырвала руку.

— Ты чего?

Я стоял бледный, с испариной на лбу и тремором в пальцах. Над системным текстом перед глазами плыл вязкий перламутровый туман, сквозь который лицо Евы проступало размытым пятном.

— Ничего, — выдавил я. — Устал. Удачной дороги, Ева.

Она секунду смотрела на меня, прищурившись, пытаюсь, видимо, понять, что только что произошло. Потом пожала плечами и молча села в Audi, завела мотор и выехала со двора. Красные огни тормозов мигнули на повороте и растаяли в ранних сумерках.

Я опустил на ступеньку крыльца.

Внимание! Функциональность Системы восстановлена до 9%!

Подключен модуль соматической ретроспекции.

Доступны функции: считывание физиологической истории объекта при тактильном контакте.

Ограничение: не более 2 активаций в сутки.

Требуется: прямой контакт с кожей объекта, минимум 3 секунды.

Побочные эффекты: снижение остроты зрения (10–15 мин), тремор, цефалгия.

Предупреждение: при превышении лимита побочные эффекты непредсказуемы!

Соматическая ретроспекция? Это еще что за...

Ага, понял. Считывание физиологической истории при касании. Раз требуется касание — а раньше все диагнозы Системы спокойно считывала с расстояния — значит, что-то ей надо было преобразовать в моих руках, так? Вот, значит, откуда были эти покалывания, которые я уже чуть ли не за предвестники инсульта принял.

Сидя на ступеньке, я ждал, пока перестанет двоиться в глазах и уйдет дрожь из рук, и думал о том, что узнал.

Получается, Еве было всего двадцать, когда она училась в Лондоне, и рядом никого не оказалось. Михалыч, скорее всего, не знал. Значит, Ева тащила весь этот груз сама. Вот откуда ноги растут у ее отчужденности, характера, внешнего ледяного спокойствия... а внутри — та маленькая глупая, перепуганная девочка, вынужденная в чужой стране от отчаяния и страха убить собственного нерожденного ребенка. И потом пожизненно нести этот груз, этот грех. Нет, она воевала не со мной и не с отцом, а с собственной жизнью, в которой случилось что-то страшное, после чего она решила, что больше никакой слабости никогда не допустит. А раз так, остается всегда быть только сильной.

Вот только такое не удавалось никому и никогда. Даже сильнейшим. Мы не роботы, мы люди.

Ладно, не буду лезть, расспрашивать тем более. Просто запомню на будущее.

Из дома вышла тетя Нина с дымящейся кружкой чая и, обнаружив меня на ступеньке, нахмурилась и раскудаhtалась:

— Сергей, ты чего такой зеленый? Заболел? Тошнит? Неужто пирожками моими траванулся? Так ведь свежее все! Или яйца...

— Давление скакнуло, — перебив, соврал я. — Сейчас пройдет.

— Давление у него скачет, — проворчала тетя Нина, всучивая мне кружку. — Неудивительно. А то работает за десятерых, спит по пять часов, ест черт знает что... Кстати, Наиль звонил, к вечеру приедет из Казани. Говорит, по документам что-то привезет.

Хорошо. Значит, можно будет обсудить с ним и лицензию на воду, и реестр обременений, и Тимофея.

Кивнув тете Нине, я взял кружку, обхватил ее обеими ладонями и отпил. Чай был горячий, крепкий, с малиновым вареньем. И пах так изумительно, что аж в голове прояснилось.

Покалывание в руках прекратилось окончательно.

Тетя Нина не ушла в дом, а устроилась рядом на крыльце, подложив под себя стеганую подушку, которую притащила из спальни. Яростно мяукнув, прискакал Валера и уютно устроился у нее на коленях.

Минут десять мы сидели молча и дышали прозрачным воздухом. Тетя Нина грела ладони о свою чашку, я — о свою, а между нами на перилах восседал Пивасик и с видом оскорбленного аристократа чистил перо под крылом.

— Сергей, а чего он такой облезлый? — тихо спросила тетя Нина, покосившись на попугая. — Болеет?

— Линяет, — успокоил я. — Процесс естественный. Через пару недель снова обрастет.

— Линяет он, — проворчала тетя Нина, правда, с сочувствием. — Бедная птичка. Точно как мой Гришка-покойник перед отпуском.

Пивасик, видимо, оценив степень внимания к своей персоне, повернул голову, прищурился и отчетливо произнес:

— Балбес!

— Ну вот, — вздохнула тетя Нина. — Вчера же уже знакомились.

Задремавший Валера, свернувшийся тугим полосатым бубликом, приоткрыл один глаз, оценил обстановку и снова закрыл. Все под контролем — на его продувной морде читалось примерно это.

— Нина Илларионовна, вы бы шли в дом, — сказал я. — Холодает.

— Вот еще! — фыркнула она. — Я в Тюмени жила, там минус тридцать — рабочая температура. А ты мне минус десять за мороз выдаешь...

Остаток дня я перепроверял свои наработки для аспирантуры, к восьми вечера, когда совсем стемнело, приехал Наиль. Он вышел из машины, прижимая к груди толстую папку, и, не успев поздороваться, оглушительно чихнул.

— Будь здоров, — вежливым голосом сказала тетя Нина. — Как раз к ужину. Потушила курочку с картошечкой, давайте мойте руки и оба к столу!

— Нина Илларионовна, я перед дорогой хорошо поел... — начал было Наиль, но тетя Нина посмотрела на него с выражением «а мне пофиг, на какую сторону у тебя тубетейка», и он замолчал на полуслове.

За ужином юрист рассказал, что привез из Казани. Кадастровую выписку на земельный участок санатория удалось получить быстрее, чем он рассчитывал: знакомый в Росреестре ускорил запрос. Также ООО было открыто, свидетельство на руках, расчетный счет откроют в понедельник.

— Дельно, — уважительно заценил я. — А по Тимофею нет новой информации?

— По нему ничего, — ответил Наиль, макая хлеб в сочную подливку.

Тетя Нина покачала головой и вынесла приговор:

— Не мужик совсем этот Тимоха. То сестре жизни не давал, теперь на нашего Джимми взъелся. Такой в семье как ржавая труба: и починить нельзя, и выбросить совестно. А тянет всех вокруг на дно.

— Нина Илларионовна, — осторожно заметил Наиль, — тут все же юридическая плоскость...

— Юридическая, — передразнила тетя Нина. — Я за заводским общежитием, помню, присматривала, так там такие Тимофеи по три штуки на этаже водились.

Мы с Наилем переглянулись, а я пожал плечами.

— Чего непонятного? — спросила она. — Вырождается, говорю, мужик. Давай, Наилька, ешь! А то кожа у тебя, кости да нос!

Наиль рассмеялся и начал с ней спорить, а я подумал, что совсем недавно сидел на кухне один.

А ведь одиночество — доказанный фактор риска для здоровья, по силе воздействия сопоставимый с пятнадцатью сигаретами в день, это профессор психологии и нейробиологии Джулианна Холт-Ланстад с коллегами доказали на трех с лишним миллионах человек. Хроническая изоляция выжигает кортизол, гонит воспалительные маркеры вверх и разгоняет атеросклероз быстрее, чем сидячий образ жизни. Тогда я, разумеется, не задумывался об этом как о клинической проблеме, потому что у меня хватало проблем и без мета-анализов. А теперь...

Теперь за столом сидели тетя Нина, подкладывавшая юристу восьмой или девятый пирожок, Наиль, который вяло от нее отмахивался, и я, наблюдавший за ними с тем чувством, которое нормальные люди, вероятно, называют теплотой, а я, как врач с полувековым стажем, квалифицировал бы как снижение базального уровня кортизола в условиях безопасной социальной среды.

Пивасик, забравшийся на спинку стула тети Нины, негромко затынул «Еду в Магадан» — хриплым голосом и почему-то с чудовищным кавказским акцентом. Валера дремал у меня на коленях, и хвост его мерно подергивался в такт пению, хотя, скорее всего, это было совпадение.

— Вот видишь, — тетя Нина кивнула на попугая, — не все у него плохо. Поет вон даже!

— Это он не поет, — пробормотал Наиль. — Это кто-то вилкой по сковородке царапает!

Около десяти тетя Нина убрала посуду, напоила нас чаем, после чего забрала Валеру, взяла на палец Пивасика — тот, к моему изумлению, не цапнул и даже не обругал — и ушла в комнату.

Мы с Наилем, который дал себя уговорить остаться переночевать, перебрались в летнюю кухню.

Помещение было небольшое, добрую четверть занимала печка, у стены стояла кровать, рядом притулились стол с табуреткой, а теперь к ним добавилась еще и раскладушка, которую я притащил из дома. Ее по моей просьбе привез Анатолий.

— Удобства, конечно, так себе, — с иронией произнес Наиль, оглядывая узкую провисшую раскладушку, наверняка помнившую еще Брежнева.

— Зато тепло, — возразил я, пошуршал кочергой в печке, прежде чем подбросить туда пару поленьев. — И никакого городского шума.

— Городской шум я бы, пожалуй, сейчас послушал с удовольствием, — заметил Наиль, стаскивая ботинки. — Хотя бы потому, что городской шум не кукарекает в пять утра. Или со сколько они тут орут?

— Петух через два дома, — подтвердил я. — Но он ленивый, раньше шести и клюв не раскроет. Кроме того, Пивасик и Валера его отсюда гоняют.

Наиль скептически покосился на ложе, которое просело под его весом до самого пола, вздохнул и лег набок, потянув на себя одеяло.

Я выключил свет, устроился на кровати и минуту слушал тишину. Печка, правда, потрескивала, но это был, пожалуй, единственный звук. За окном, наверное, падал снег, хотя в темноте увидеть это было нельзя.

— Сергей Николаевич, — негромко позвал Наиль, читавший что-то с телефона.

— Что?

— Завтра надо обсудить лицензию на воду. Мне тут Ева Александровна прислала четырнадцать вопросов... Пипец, тут в постскрипуме еще три.

— Семнадцать, значит?

— Ага.

— Ладно. Завтра обсудим.

— И еще, Сергей Николаевич, кое-что. Раскладушка у вас, с вашего позволения, чудовищная.

— Это не моя, а Анатолия. Спи давай, великий юрист, — сказал я, невольно повторив интонацию тети Нины.

Наиль хмыкнул, раскладушка натужно скрипнула, и вскоре дыхание его выровнялось.

А я лежал и поначалу не мог уснуть. В голове, как на раскрученной карусели, крутились Ева, санаторий, лицензия на воду, Тимофей, диссертация, которую во вторник будет смотреть Борис Альбертович, билеты в Москву, реестр обременений, а еще священная роща, смета Япара, рубец на чужом эндометрии, о котором мне знать не полагалось, Ирина и Михайленко с Лысоткиным, наследство и дети, да и что-то давно не было вестей от Лейлы Хусаиновой. Как бы не пропала девчонка почем зря!

Это был так называемый эффект Зейгарник, причем очень наглядный. Блюма Вульфовна Зейгарник, умнейшая женщина, еще в двадцатых годах прошлого века доказала в берлинской лаборатории Курта Левина, что незавершенные задачи запоминаются почти вдвое лучше завершенных. Механизм прост и безжалостен: пока дело не закрыто, мозг держит его в оперативной памяти, не давая разрядиться эмоциональному напряжению. Как двадцать открытых вкладок в браузере, каждая из которых жрет ресурсы процессора, даже если ты на нее не смотришь.

Зейгарник, к слову, прожила выдающуюся и трагическую жизнь: мужа арестовали в тридцать девятом, и он погиб в лагере, она осталась с двумя сыновьями, одному из которых не исполнилось и года, саму ее отстранили от работы в пятидесятом, во время борьбы с космополитизмом. И при всем этом стала основательницей советской патопсихологии, получила премию Курта Левина от Американской психологической ассоциации и дожила до восьмидесяти восьми. Вот уж кто знал толк в незавершенных делах.

Впрочем, для борьбы с эффектом существовал простой прием: выгрузить все из головы на бумагу. Записанный план воспринимается как частичное завершение, и хватка ослабевает.

Я встал, стараясь не скрипеть половицами, нашарил на столе блокнот, включил фонарик телефона и быстро написал:

1. *Лицензия на воду — обсудить с Наилем.*
2. *Подготовить реестр обременений для Евы.*
3. *Тимофей — ждать.*
4. *Диссертация — все готово, дописать научную новизну и результаты патентного поиска.*
5. *Смета Япара — к понедельнику.*
6. *Выяснить статус — иск Алисы.*
7. *Созвониться с Лейлой.*
8. *Ирина, встреча в Москве.*
9. *Годовщина смерти Беллы, Маруся и Сашка. Отдать им деньги.*

Закрыв блокнот, лег обратно и с удовлетворением отметил, что карусель замедлилась. Не остановилась совсем, но хотя бы перестала мелькать.

А потом я еще какое-то время лежал, глядя в темный потолок, слушал посапывание Наиля и думал о том, моя новая жизнь, которая начиналась со смертельного приговора через три–пять месяцев, как-то незаметно наполнилась хорошими людьми. И это, пожалуй, было лучшим лекарством из всех, что мне попадались.

Система, впрочем, об этом молчала. Наверное, потому что не все поддается оцифровке.

Глава 4

Утро воскресенья началось со скандала. Вернее, не так.

Сначала я поднял Наиля, который пытался отбиваться ногами, в итоге грохнулся с раскладушки и, чертыхаясь, наконец встал. Потом мы пошли умываться, обливаться, делать зарядку, и Наиль один раз уволился и дважды проклял тот день, когда познакомился с Епиходовым Сергеем Николаевичем (при всем уважении), а дальше отправились завтракать.

И вот как только мы с Наилем со словами «Доброе утро, Нина Илларионовна!» переступили порог дома, тетя Нина категорично заявила:

— Я понимаю, что сегодня совсем не четверг, а воскресенье. Но у нас обязательно должен быть рыбный день!

— О как! — прокомментировал это заявление я и уселся за стол.

— О как! — завершал Пивасик, радостно щелкнул клювом и опять утихомирился на своей этажерке.

— Нам нужен минтай, — продолжила нагнетать тетя Нина, щедро накладывая нам с Наилем рисовой молочной каши в тарелки. — Сергей Николаевич, купи сегодня где-нибудь минтай. Я буду его тушить на обед.

— Ненавижу минтай, — скривился Наиль, подтянул к себе тарелку с кашей, а затем мечтательно вздохнул. — Зато ужасно люблю стерлядь.

— Не выражайся! Ты же в приличном обществе! — Тетя Нина отвесила ему легонький, но довольно обидный подзатыльник. А затем не выдержала и хрюкнула от смеха.

Впрочем, Наиль отреагировал на это усмешкой.

Как ни странно, тетю Нину с ее выкрутасами сразу же полюбили все в нашем мужском коллективе: и Валера, и Пивасик, и Наиль. Поэтому позволяли собой манипулировать. Чем она беззастенчиво и пользовалась. Побаивалась тетя Нина только меня и ни с того ни с сего называть стала по имени-отчеству, как будущего начальника. Да и то тушевалась она слегка и, как я подозревал, до поры до времени, пока не встанет на ноги.

— И вот что ты сразу замер? — взглянула она на юриста и укоризненно покачала головой. — Наиль, у тебя такой изможденный вид, что ты сегодня обязательно будешь есть тушеный минтай. Причем двойную порцию. Это даже не обсуждается!

Наиля аж передернуло.

— Это очень полезно. Правда, Сергей Николаевич? — обратилась она ко мне за поддержкой.

Я, конечно, мог бы встать на сторону Наиля, чисто из мужской солидарности. Но тут вспомнил, как он когда-то подсылал ко мне гопников, и решил мелко и пакостно отомстить.

— Очень полезно, — с глубокомысленным видом покивал я, доедая кашу. — Это же самая диетическая рыба у нас. В филе минтая много легкоусвояемого белка, йода, селена и полезных для сердца омега-3. Если употреблять минтай хотя бы раз в неделю, значительно улучшится работа сердечно-сосудистой и эндокринной системы, а также будет повышаться иммунитет и укрепляться кости. Мы с тобой, Наиль, не молодеем, поэтому как раз минтай нам и нужен. Тут тетя Нина абсолютно права. Да и вообще, внешний вид улучшится, поверь. При этом в нем практически нет углеводов. Так что не разбоомбит.

В этот момент к столу подошел Валера и возмущенно мяукнул: он учуял, что мы едим молочную кашу, а ему не дают.

— Валера, ты будешь завтракать после всех, — непререкаемым голосом сказала тетя Нина, которая в этих вопросах была тверда, словно пряники Пермской кондитерской фабрики. — Утром ты уже пил молоко. Так что пусть пройдет хотя бы два часа. А то ты скоро на колобок станешь похожим, жиропчик малолетний.

— Суслик! — поддержал тетю Нину Пивасик.

Несолоно хлебавши суслик Валера надулся и обиженно отошел в сторону, даже хвост его горестно поник. А мы вернулись к прерванному разговору.

— Кстати, о молоке, — сказала тетя Нина. — Я вчера поздно вечером выходила во двор и внезапно обнаружила на пороге банку. Трехлитровую. Снова. Кто это вам молоко постоянно носит?

— Сам не знаю, — пожал плечами я и для дополнительной аргументации развел руками. — Уже вторую неделю приносят, и каждый раз трехлитровую банку от вечерней дойки. А один раз так даже сливки приносили. И ни записки, ничего.

— Молоко — это хорошо, — глубокомысленно сказала тетя Нина. — Надо будет приготовить тыквенную кашу. Если получится, конечно, где-то купить тыкву в этих краях. Но молоко ведь приносят не просто так? И раз вы деньги за него не платите, значит, потом будет долг? — Она повторила все те слова, что ранее мне говорили Серегины родители.

— Ох, не знаю, — закручинился я. — Уже пытался обмен произвести, ответно конфеты с кофе на пороге оставлял, но молоко они опять принесли, а мой презент не забрали.

— Вот-вот, и я о том же, — с подозрением покачала головой тетя Нина.

— И что делать? — спросил ее я.

— Положись на меня, — многозначительно и веско кивнула она. — Знаешь, как говорят в народе: одна голова хорошо, а две — некрасиво. Так что я сама обязательно выслежу.

— Да как вы выследите? — с мстительной недоверчивостью за троллинг по поводу минтая сказал Наиль. — Если уж Сергей Николаевич за две недели не смог, то как сумеете вы?

— Знал бы ты, как я в молодости своего супруга выслеживала, — хохотнула тетя Нина, а потом печально вздохнула: — Как он ни скрывался, а от меня не уйдешь!

— По бабам ходил? — сочувственно спросил Наиль.

— Хуже, — еще более печально вздохнула тетя Нина. — С кумом на пиво.

— И что вы?

— А что я? Только у слабой женщины мужчина во всем виноват! У сильной он еще и наказан. — Она опять вздохнула, но потом не выдержала, расхохоталась и подмигнула нам.

Улыбнувшись, я допил чай и спросил:

— Тетя Нина, какой план действий на сегодня?

— А что? — насторожилась она.

— Смотрите, я хотел часа три над программой исследований по диссертации сегодня поработать. Могу днем, могу вечером. А в остальное время я свободен. Да, прямо сейчас я схожу в магазин или на местный рынок. Поищу вам минтай. Что-то, может, еще надо?

Я все равно собирался прогуляться, разогнать кровь и подумать над диссертацией, так почему бы не заглянуть на рынок?

— Что мне надо... — задумалась тетя Нина.

— Продукты, может, еще какие?

— Я минтай буду на сливочном масле с овощами и приправами тушить, по секретному бабушкиному рецепту, — мечтательно вернулась к рыбной теме тетя Нина, и Наиль аж закашлялся, поперхнувшись чаем. — Наилек, ты, никак, простудился? Надо было хорошо одеваться. Вон у Сергея Николаевича тулупчик какой хороший, а ты в своем пальтишке-полупердончике на рыбьем меху довыпендриваешься. А Морки — это тебе не Казань!

— Я забыл сказать, что сегодня на обед попасть не смогу, — моментально сделал важное заявление Наиль и с торжествующим видом посмотрел на нас с тетей Ниной. — У меня через двадцать минут встреча в администрации. И она может затянуться до вечера.

— Сегодня вообще-то воскресенье, — ехидно отмел я неубедительную отмазку. — Администрация не работает. Выходной.

— А я договорился, — победно заявил Наиль, да так, что от его лучезарной улыбки можно было зажигать звезды, разве что язык нам не показал. — Там ответственный сотрудник завтра в командировку в Йошкар-Олу уезжает. На неделю. Так я уговорил его сегодня встретиться и вопрос с землей по санаторию порешать. Мы с Евой Александровной уже даже план составили.

— И когда вы только успели? — удивился я.

— Ну, вы же знаете Еву Александровну... — развел он руками.

— Ладно, не приходи, — легко согласилась тетя Нина.

Наиль просиял и приосанился.

— Мы твою порцию минтая на ужин оставим, — закончила она, и Наиля опять аж пере-дернуло.

А я не выдержал и расхохотался. Юрист надулся и стал похож на обиженного Валеру.

После завтрака мы разделились. Я отправился на местный рынок искать минтай, Наиль поехал в администрацию, а тетя Нина осталась дома, заявив, что нужно капитально убраться и сделать перестановку.

Зачем ей убираться, если через пару дней она переедет в санаторий, ума не приложу. Да и я здесь не планировал оставаться надолго. Но раз так решила — кто я такой, чтобы спорить с женщиной? Тем более учитывая, что тетю Нину поселили в доме, да и Пивасика и Валеру оставили там же.

Валера, конечно, порывался просочиться в летнюю кухню поближе ко мне, но я его попытки категорически пресек. Пусть тетя Нина теперь за ним присматривает, раз живет там. А нам в летней кухне и так тесно, потому что я приютил Наиля. Это решение мы с ним приняли утром, так как в администрации дела затягивались и мотаться ему каждый день туда-сюда в Казань было неудобно. Тем более я в понедельник-вторник уеду в Москву, и помещение летней кухни вообще освободится. И он может там спокойно за это время подобрать себе здесь жилье.

Раскладушку мы с Наилем вчера втиснули между моей кроватью и стенкой буквой «Г», и теперь, чтобы дойти до кровати, приходилось протискиваться бочком. Но ничего, в тесноте, да не в обиде. Тем более что готовить я там и не собирался, только протапливал печку, которую Анатолий почистил от золы и всего остального.

Итак, я отправился искать минтай для тети Нины. Прежде всего пошел в ближайший, самый большой магазин, на котором была многообещающая вывеска «Продукты 24». Хорошо, что он находился прямо по дороге. Здесь следует сказать, что я решил не ехать на машине, а пройти пешком, потому что сегодня с утра не бегал со всеми этими гостями и заботами. Так хоть пройдуся. Это тоже полезно.

Я заглянул в пустой в это время суток магазин. Подошел к прилавку и обнаружил, что в рыбном отделе есть только хек, путассу и замороженные кольца кальмара. Уставшая плотная продавщица посмотрела на меня рыбьими глазами и спросила безэмоциональным голосом:

— Чем вам помочь?

— Да вот минтай ищу, — сказал я.

Она равнодушно пожала плечами:

— Минтая нету. Транспортная компания подвела, завоза рыбы не было уже две недели. Все, что было, разобрали. А минтая у нас нет и не было никогда, его почти не покупают.

— Понятно, — вздохнул я, поблагодарил и вышел из магазина.

Дальше по улице я обнаружил магазин со странным названием «Райпо». Серые бетонные стены невыгодно отличали его от предыдущего. Но я был не в том положении, чтобы воротить нос, и вошел.

Внутри густо пахло мышами, сахаром и селедкой. Толстая неопрятная женщина в синем халате стояла за прилавком и болтала по телефону. Было непонятно, что они здесь продают:

на полках лежала всякая всячина типа гематогена, ириса «Кис-кис», шоколадных яиц, соевых батончиков, карамели «Мятная», пакетиков быстрорастворимого кофе «три в одном», майонезов и всевозможных дошираков. При взгляде на все это продуктивно-синтетическое разнообразие я невольно подумал, что все, что ни делается, делается в Китае. Но вот рыбы что-то я здесь не увидел.

Дождавшись, пока продавщица сделает паузу, громко спросил, пытаясь привлечь ее внимание:

— Минтай есть?

Она, не отрываясь от телефона, отрицательно покачала головой и сразу же потеряла ко мне интерес. А я вышел оттуда, с облегчением вдохнул чистый воздух и пошел искать дальше.

Странно, уже в двух магазинах нету минтая. А ведь он ценится врачами и диетологами за то, что почти не содержит жира, а тот, что все же имеется, омега-3, и белка столько, что им можно чинить организм. Еще он содержит йод, необходимый для нормальной функции щитовидной железы, и витамины В, А, Е, РР, а также магний, железо, калий и цинк. В общем, продукт полезный и правильный. И дешевый.

Значит, придется идти на местный рынок. Где рынок, я представлял очень примерно, но по дороге спросил нескольких встречных, которые и показали дорогу.

Моркинский продуктовый рынок представлял собой небольшую огороженную площадку, где стояли как металлические ларьки и брезентовые продуктовые палатки, так и открытые прилавки, за которыми подпрыгивали и притопывали от морозца несколько бойких старушек. По зимнему времени ассортимент у них был небогатый, да и предлагали все одно и то же: мелкие мороженые ягоды с больших лотков, грубо, но добротно связанные носки, как баранки, подвешенные на веревки, да широкие цветастые платки.

— У вас минтай есть? — спросил я, даже не надеясь на ответ.

Они переглянулись, и самая старшая, в большом шерстяном платке, задумчиво почесала нос, затем посмотрела на меня, поправила очки и сказала:

— А зачем?

— Тетя Нина захотела, — неожиданно сам для себя ляпнул я. — Вот хожу, ищу, два магазина уже обошел — нету там минтая.

— Так ты ж сам видишь, рынок сегодня пустой, — сказала она, махнув рукой в сторону палаток.

— У нас здесь активно торгуют обычно по пятницам, а в воскресенье только так, если что срочно продать надо. Молоко да всякую такую мелочь, как мы, — пояснила вторая, высокая старуха в синей вязаной шапочке с помпоном и значком с анимешным котиком, явно внучкиной.

— Что же мне делать? — нахмурился я и задумчиво произнес: — Неужели придется в Йошкар-Олу ехать или в Казань за минтаем?

— Да нет, — вспомнила вдруг третья старушка, юркая и смешливая. — Здесь недалеко, на соседней улице — там оранжевые ворота, точнее, темно-оранжевые — живет Гришка, он рыбой торгует. У него ларек свой и...

— И еще один магазин, говорят, он в Йошкар-Оле держит, али зять его держит, — моментально вклинилась другая.

— Так вот, раз Гришка рыбой занимается, значит, надо его спросить. Или у него должно быть, или он привезет.

Поблагодарив словоохотливых старушек, я вышел с рынка и отправился искать оранжевые ворота и рыбного Гришку.

Вышеупомянутый мужик, который обосновался за апельсиново-оранжевыми воротами, жить предпочитал с комфортом. Потому что прямо на заборе был звонок, чему я необыкновенно порадовался. Нажал — и вдалеке раздался колокольный перезвон.

О как!

И в церковь ходить не надо. Знай жми на звонок и очищай душу.

Но шутки шутками, а я повеселел при мысли о том, что сейчас хозяин будет. Где-то в глубине двора захлебнулась лаем собака. И действительно, буквально через пару секунд калитка открылась, и передо мной возник сам Гришка.

Был он на удивление высок, гораздо выше даже меня, и крупен. Но не за счет жира, а просто могуч и брутален. Рыботорговец сильно отличался от относительно низкорослых местных жителей. При этом Гришка был рыжий и настолько заляпан веснушками, что казалось, если сейчас нагнет голову, конопушки, словно горох, посыплются прямо на землю.

— Здравствуйте, — начал я и дружелюбно улыбнулся. — Извините, вы Григорий?

— Григорий, — улыбнулся он в ответ. — Вы ко мне?

— Да вот старушки на рынке посоветовали обратиться, — пояснил я. — Нет ли у вас минтая?

— Минтая? — удивился он и открыл калитку пошире. — Сергей Николаевич, заходите, пожалуйста. Я вам сейчас все покажу.

Почему-то я сразу же вспомнил фразу и поведение старичка-цветовода, к которому недавно приходил на осмотр и который после этих слов протащил меня через все свои оранжерейные дела и заставил осмотреть каждый вазон. Надеюсь, здесь и сейчас такого не будет. Тем не менее нос воротить не приходилось, поэтому я смело шагнул во двор и пошел следом за хозяином, который, как оказалось, прекрасно меня знал.

Григорий повел меня не в дом, а куда-то за угол, по дороге цыкнув на собаку, которая моментально залезла в будку. И буквально через пару шагов мы очутились на заднем дворе, где было несколько справных сараев. От одного курился дымок и вкусно пахло копченой рыбой.

— Сюда, — показал мужик на второй сарай, больше похожий на ангар, только относительно небольшой и заделанный деревом.

Мы вошли туда, и я увидел достаточно просторное помещение, где находились как рефрижераторы, так и просто длинные деревянные полки, на которых лежала рыба. Еще часть висела на крюках под потолком.

Рыбы было так много, что у меня аж глаза полезли на лоб. А от вкуснейших запахов желудок требовательно заурчал, как у собаки Павлова, и это при том, что я буквально час назад достаточно напихал его рисовой кашей.

— Как вкусно пахнет, — невольно вырвалось у меня восхищенное.

— А то! — хвастливо хмыкнул мужик. — Сергей Николаевич, скажу так. Минтай в Морках вообще никто почти не покупает, поэтому возить его сюда неперспективно.

— Так у вас нет минтая? — У меня даже голос упал.

— Подождите, подождите, вот сюда посмотрите, давайте так. Вот у меня есть прекраснейший окунь горячего копчения, есть судак, щука, есть холодного копчения, есть вяленая рыба, есть сырая, свежая и замороженная, — показал он мне. — Даже сома могу вам предложить. Очень хороший сом, берите. Минтай у меня тоже есть, ну, я говорил, его люди не берут. Точнее, для себя не берут, для котов и собак иногда. Но, если вы хотите, вот, пожалуйста.

Он показал мне в небольшом холодильничке, в таком, в котором хранят обычно мороженое, брикеты замерзшей и сцементированной бледно-серой субстанции, на вид и запах довольно отвратительной.

— Это что? — осторожно спросил я.

— Это минтай, — пожал плечами Григорий. — Филе минтая, но оно сбрикетированное. Я не знаю, зачем оно вам, но, если надо, берите. У меня осталось четыре брикета, я даже нового не закупал, но срок годности еще не вышел.

Скривившись от омерзения, я на всякий случай осторожно взял два брикета.

— А все-таки я вам предложу окуня горячего копчения. Сергей Николаевич, вы только посмотрите, какой жирный.

Действительно, рыба была выше всяких похвал, тугое полупрозрачное филе блестело ароматным золотистым жирком. Поэтому я, не скупясь, прихватил и окуня, и карпа, и щуку. Также на всякий случай взял свежемороженого сома. А еще кусок розоватого филе семги — можно будет засолить самостоятельно. Григорий пытался мне втюхать еще кое-какую рыбу, но я и так уже набрал довольно много, так что ограничился этим.

Взял мужик с меня по себестоимости, без наценки, потому что, дескать, я хороший врач и спас много людей, в том числе кого-то из его родственников. И предложил, если надо, привезти минтай на следующей неделе. На всякий случай я заказал, мало ли что там тетя Нина еще надумает. После этого вышел из гостеприимного Гришкиного дома, категорически отказавшись от чая и кофе, и отправился домой.

Пришел как раз в тот момент, когда в начале улицы показалась машина Наилья. Не стал его ждать и вошел внутрь.

— Ну что? — с предвкушением спросила тетя Нина, потирая руки. — Нашел минтай?

— Вот, — пряча глаза и чувствуя, как пылают уши, показал я ей серые брикеты.

— Да это же кошмар какой-то, а не минтай! — скривилась она и всплеснула руками.

Валера, который, почуяв запах рыбы, стрелой запрыгнул на стол, подошел к минтайным брикетам, издали понюхал, скривился, чихнул и торопливо сиганул обратно.

— Вот видишь, — укоризненно сказала тетя Нина. — Даже Валера такое есть не хочет, а ты эту гадость в дом принес. Нет, мы такой минтай есть не станем. Надо будет соседке отдать, у нее там то ли куры, то ли кто, пусть скормит.

— Но я взял и другую рыбу, — попытался реабилитироваться я.

— О-о-о, а вот это вкуснятина, — похвалила тетя Нина. — Но все-таки я же хотела протушить минтай, — расстроено добавила она.

И тут дверь в дом открылась, и вошел Наиль. Он широко улыбался и держал в руках увесистый пакет.

— Быстро ты справился, — сказала тетя Нина. — Буквально за час.

— За полтора, — хвастливо сказал Наиль. — Представляете, этот мужик оказался довольно толковым. Практически все заранее сделал сам, а Ева прислала остальные документы. Так что мне осталось только все проверить, порасписываться и позаверять. Поэтому мы за час быстренько справились, и теперь я абсолютно свободен.

Он еще раз улыбнулся и положил пакет на стол.

— А это что у тебя? — спросила тетя Нина и показала пальцем на пакет.

— А это я минтай вам купил, — усмехнулся Наиль. — Здесь, за поселком, большой торговый центр «Корона», там все есть. Вот я и купил, раз вы так сильно хотели.

Глава 5

В кухонных интригах Наиль точно был не искушен, потому что просто поставил увесистый пакет с минтаем на стол и направился к двери как ни в чем не бывало.

— И куда это ты намылился? — хмурым басом спросила тетя Нина.

В воздухе ощутимо запахло серой.

— В смысле, куда? — удивился Наиль, легкомысленно проигнорировав первые признаки надвигающегося Армагеддона. — Вопросы по земельному участку я порешал. Ну, то есть не совсем до конца, — поправился он, искоса зыкнув на меня. — Но запустил. Сейчас поеду в Казань и буду там дальше продвигать оставшиеся темы. Кроме того, нужно еще встретиться с Евой Александровной и помочь по ее части. А что?

— Как это «что»? — Голос тети Нины зазвенел, и она воинственно уперла руки в бока. — Минтай ты привез, а попробовать что, не хочешь? С овощами, между прочим!

Лицо Наиля передернулось от отвращения. Тем временем тетя Нина, не обращая внимания на его мимику, раскрыла пакет и достала оттуда нежные и диетические тушки минтая.

— О-о! — восславила она рыбу хвалебным голосом, а затем я удостоился укоризненного взгляда. — Вот видишь, если человек ставит перед собой цель, он ее всегда достигает. Не то что ты, Сергей.

— Просто я не настолько люблю минтай, как Наиль, — хохотнул я, и того опять перекосило.

Тетя Нина рассмеялась и сама, но потом взглянула на опечаленного юриста и снова свирепо нахмурилась.

— Нет, Наиль, на часик ты задержишься, — сообщила она склочным голосом. — Как раз я закончу с готовкой, это быстро. Пообедаешь, а потом езжай куда хочешь. Тем более что ты планировал до вечера тут работать, а ехать в Казань на ночь. Так что, если на час позже выдвинешься, ничего страшного не случится. — Она сказала это столь решительным тоном, что спорить даже мысли ни у кого не возникло. Но она все равно посмотрела на меня и пожаловалась: — Ну скажи ему, Джимми!

— Я представляю, какая это гадость, — мученически скривился Наиль, с надеждой цепляясь за соломинку.

— Да сам ты гадость! — возмутилась тетя Нина. — Ты вкуснее блюда в жизни не едал, я тебе гарантирую.

— Вот еще! — фыркнул тот.

— А я тебе говорю — это амброзия!

— Это ерунда, а не амброзия, — парировал Наиль.

Спор грозил вот-вот перерасти в Пуническую войну. Даже Валера и Пивасик на всякий случай попрятались. Я напрягся и уже приготовился бежать за огнетушителем, но тут тетя Нина хитро прищурилась:

— На что спорим? — сказала она простым добродушным голосом и даже взгляд отвела.

Наиль, бедный, наивный Наиль, который ранее не сталкивался с настоящими женщинами, точнее, с такими женщинами, как тетя Нина, которые и коня на скаку, и медные трубы в дугу, и шашлык на углях сгоревшей избы запекут, даже не понял всей глубины подставы. Поэтому доверчиво согласился:

— А что, спорим! Если выиграю я, вы больше никогда не будете заставлять меня есть то, что мне не нравится...

— Хорошо, — снисходительно промурлыкала тетя Нина, стараясь не встречаться с ним взглядом. Явно, чтобы не спугнуть. Мой знакомый Женя Ерошкин, профессиональный игрок в покер, так же скромно отвечал на предложения не знающих его дилетантов сыграть в карты.

— Если же выиграю я, ты переберешь вон те полмешка гречки, которые я по дешевке взяла у соседки. Но там много сора. Так-то гречка хорошая, зеленая, только с ней еще возиться и возиться...

Обычно, когда граждане продают души, вокруг полыхают молнии и слышатся по-тютчевски лютые раскаты майского грома. Но в данный момент на кухне было тихо, если не считать Валеры, который, ошибочно решив, что угроза миновала, на цыпочках крался к столу на запах минтая.

Наиль даже не обратил на это внимания. Он был стопроцентно уверен, что спор легко выиграет.

Тем временем тетя Нина выдворила нас с кухни, чтобы не путались под ногами, и мы с облегчением разошлись по своим углам. Я пошел в комнату, включил ноутбук и с головой ушел в программу диссертационных исследований. Наиль немного покрутился рядом, поиграл с Валерой в привязанную на веревочку бумажку, но затем ему это наскучило, и он сказал:

— Пойду в летнюю кухню, подремлю.

— Я позову, когда тетя Нина сделает обед, — попытался серьезным голосом сказать я, но в конце фразы не выдержал — хрюкнул.

Наиль скривился от моей несерьезности, обреченно махнул рукой и ушел с ровной спиной.

Я остался один, открыл электронную библиотеку одного известного университета и вытащил оттуда парочку довольно любопытных статей по моему направлению исследований. Первое, что я сделал, — это провел патентный поиск для определения аналогов у нас и во всем мире.

Пока загружалась страница, машинально смахнул уведомления. Три пропущенных от неизвестного московского номера и одно голосовое. Слушать не стал, некогда, а номер не сохранил, потому что в последние дни журналисты звонили мне с завидным постоянством.

Как я и предполагал, патентный поиск ничего подобного моим идеям на выдал. То есть то, что я скоро сделаю, будет абсолютной научной инновацией. Я переверну всю науку и поставлю ее на уши! От такой перспективы я чуть не подскочил в порыве яростного энтузиазма. Настроение поднялось.

Пивасик, обнаружив, что я сосредоточенно работаю, сидел на подоконнике, обиженно нахохлившись, и почтительно молчал. Зато Валера, как в былые времена, прыгнул мне на колени и нагло улегся, тихонечко мурча и стараясь не мешать. А я работал, периодически гладил его, и было так хорошо-хорошо, что прямо ой.

Неслышно вошла тетя Нина, принеся с собой запахи тушеных овощей и рыбы, молча поставила передо мной чашку с мятным чаем и так же неслышно удалилась. С благодарностью взяв этот чай, я прихлебывал его и работал над программой.

Наконец отведенное на приготовление время вышло, и тетя Нина заглянула ко мне в комнату.

— Сергей, — сказала она хитрым предвкушающим голосом, — не мог бы ты позвать Наиля? Обед уже готов, и я приглашаю вас к столу.

Валера, учуяв аппетитные запахи, оглушительно мяукнул, шерсть и хвост его вздыбились, он грузно спрыгнул с моих колен и торопливо усакал на кухню. За ним устремился Пивасик. Я еще удивился: неужели попугаи тоже любят тушеного с овощами минтая? Но тем не менее тете Нине сказал, что сейчас все сделаю, накинул куртку, потому как на дворе снег, и вышел на улицу.

Погода была чудесная. День стоял чудесный. Снег искрился и поскрипывал под ногами, словно рассыпанный пьяными грузчиками на складе сахар. Солнышко ярко сияло и отбивалось от ледяных кристалликов россыпью зайчиков, так что аж слепило глаза. Я немного опустил голову и пошел в летнюю кухню звать Наиля.

Может, поэтому и не заметил, как со двора соседей мне помахал Игорек, сын Людмилы Степановны, которого я в первые дни в Морках вытаскивал из алкогольной гипогликемии. Видимо, сообразив, что его движения не возымели никакого эффекта, он крикнул:

— Дарова, сосед!

— Привет, — сказал я, поднимая голову.

— Ты к Фроловым идешь сегодня? — спросил он, тоже шурясь на солнце.

— В смысле? — не понял я.

— А, ну ладно тогда! — мгновенно просиял Игорек и тотчас скрылся у себя в доме.

Недоумеая, что это такое только что было, я списал это на его специфическую натуру, вошел в помещение, где на кровати растянулся Наиль и, укрывшись старой курткой, сладко посапывал.

— Наиль, подъем, — тихо сказал я.

Он разлепил глаза и посмотрел на меня мутным ото сна взглядом.

— Что, уже? — скривился он и посмотрел на часы.

— Уже. Тетя Нина тебе там минтай приготовила, — хихикнул я. — Ждет.

С тяжелым вздохом Наиль поднялся и принялся надевать пиджак и брюки, которые снял, для того чтобы не помять.

— Не выспался, — хмуро буркнул он и зевнул.

— А что так? — сказал я. — Вроде же не поздно легли вчера.

— Да похрапываете вы, Сергей Николаевич, — со вздохом признался он.

— О как! — А я даже и не знал, что храплю.

И слова Наиля заставили меня задуматься. Теперь надо будет срочно заняться этим вопросом. Храп — это очень плохо, и причин у него может быть много: от возрастных изменений носоглотки до мягкого неба, которое со временем становится более рыхлым и теряет тонус, и до банального лишнего веса.

А иногда храп связан с тем, что во сне дыхательные пути частично перекрываются, человеку начинает не хватать воздуха, уровень кислорода падает, и организм вынужден резко «просыпаться», чтобы восстановить дыхание. Для сердца и сосудов такие ночные перегрузки тоже могут быть вредны.

Поэтому, если такая проблема появляется, ею лучше заняться и не пускать на самотек.

Раньше я как-то об этом не задумывался. Возможно, потому что в прошлой жизни у меня таких проблем не было, а в этой я все время спал один. Анечка не считается — потому что, по сути, мы тогда особо и не спали.

Я поблагодарил Наиля за то, что сообщил, и мы отправились обедать.

— Приятного аппетита! — расцвела улыбкой тетя Нина и положила нам на тарелки кусочки пахучей рыбы с тушеными овощами.

Запах был божественным. Валера уже стоял возле своей миски и активно наяривал — ему тоже достался кусочек минтая. Пивасик крутился рядом, периодически пытаясь утянуть у Валеры особо лакомые кусочки, причем выбирал он не рыбу, а овощи, поэтому кот не сопротивлялся.

Пока суслики алчно насыщались, мы тоже уселись к столу. Тетя Нина разложила еду и сказала:

— Э-э-эх, под такой минтай еще бы белого винишка жажнуть.

— Я за рулем, — торопливо прыгнул Наиль. — И вообще не пью.

— Я тоже не буду, — сказал я. — Мне еще программу по диссертации надо доделать.

— Ну что нынче за мужики пошли, — вздохнула тетя Нина, но больше притворно. Я прекрасно знал, что она сама практически не пьет, потому что в таком возрасте куча болячек — эх! — А так бы помаленьку под рыбку бахнули, потом бы спели про мохнатый шмель на душистый хмель... Красота...

Минтай оказался выше всяких похвал. Тетя Нина его притомила в сливочном масле, которое она называла «коровье», с овощами и какими-то секретными приправами, и он получился не сухим, а именно таким, как надо: сочным, насыщенным, тающим во рту и при этом совершенно не жирным. А кисловато-сладкий, чуть медовый, вкус овощей дополнял его специфический привкус. Я даже не заметил, как слопал всю порцию и довольно улыбнулся. Скосив глаза на Наиля, я с изумлением обнаружил, что тот наяривает еще стремительнее, чем Валера.

Прикончив свою порцию, Наиль алчно посмотрел на сотейник явно в надежде на добавку.

— Вкусно? — спросила тетя Нина сперва добропорядочным тоном, но потом насмешливо хохотнула. И с чувством собственного превосходства посмотрела на Наиля.

Тот густо покраснел.

— Добавки, может, дать? — ласково спросила тетя Нина.

Я видел, как Наиль колеблется между тем, чтобы сказать нет, невкусно и выиграть пари, и совестью. Наконец совесть и честь победили, и он с мученическим вздохом сказал:

— Очень вкусно, тетя Нина. Я никогда бы и не подумал, что этот отвратительный минтай бывает настолько вкусным.

— А это смотря, как его приготовить, — нравоучительно сказала она и таки положила ему добавки, причем выгребла все, что оставалось.

Нам с Валерой добавки не досталось, но я не обиделся — всегда считал, что лучше немножко не доест, чем переест. А Валера и так стал как шарик. Зато Наиль наяривал с восторгом, а затем посмотрел на тетю Нину практически влюбленными глазами и сказал:

— Тетя Нина, я приеду в понедельник вечером из Казани, привезу минтая, вы еще такое сделайте, пожалуйста.

— Сделаю, — польщенно рассмеялась тетя Нина. — А вот ты, когда приедешь из Казани, сядешь перебирать гречку.

На лице Наиля отразилось страдание всех народов, а я засмеялся.

— Золушка! — крикнул Пивасик и обидно захохотал.

А Валера просто сидел, и на его продувной морде было написано, что он обо всем этом думает. Наиль опять покраснел.

— Спасибо, — поблагодарил я тетю Нину и хотел было еще добавить народную мудрость про папуасов, но тут в дверь постучали.

— Кто бы это мог быть? — спросила тетя Нина.

Мы с Наилем переглянулись, я пожал плечами и на правах хозяина пошел открывать.

На пороге стоял пацан лет пятнадцати–шестнадцати. Где-то я его вроде видел, но только не мог вспомнить где. И что-то лицо такое знакомое, хотя нет, не помню.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич, — сказал пацан, старательно выстраивая фразы вежливым голосом. — Мама попросила вам передать.

Он протянул открытку.

— Что это? — спросил я, но открытку взял.

— Приглашение, — важно сказал он. — Сегодня у нашей Ольки день рождения, будут праздновать. Мама вас пригласила в гости.

— В гости? — удивился я. — День рождения?

Развернул конвертик и посмотрел на заднюю сторону открытки:

— Фроловы?

— Угу, — кивнул паренек, и я вспомнил, что его зовут Вася и это старший сын Полины Илларионовны. — Мама ждет вас всех троих. Обязательно.

«О как! — подумал я. — Слухи о моих гостях уже пошли по всем Моркам». А еще вспомнил, что вроде бы Полина Фролова мне говорила про день рождения дочери в это воскресенье. А я и забыл.

— Придем, — кивнул я. — А во сколько?

— К семи часам приходите, — сказал Вася и, развернувшись, двинулся на выход, но потом вспомнил и повернулся: — За вами Анатолий заедет.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Но, если что, у меня тоже машина есть.

— Но тогда вы же пить не сможете, — сказал Васька.

Я не стал спорить и вернулся обратно в дом.

— Мы идем в гости! — заявил я, как только зашел на кухню.

— В каком смысле «в гости»? — растерянно сказала тетя Нина.

— Я в Казань спешу! — негодуя воскликнул Наиль. — Мы же договаривались, что я только пообедаю минтаем и сразу уеду. Я и так задержался.

— Мы идем в гости на день рождения Оли Фроловой, дочери медсестры. Из Морок.

— У меня нет платья, — заявила тетя Нина коварным голосом.

— А я тороплюсь, — поддакнул Наиль.

Одному мне отдуваться в гостях не улыбалось. И я принялся аргументированно убеждать:

— Ну, вы же сами хотели, тетя Нина, спеть, как мохнатый шмель на душистый хмель, — сказал я и подмигнул. — А ты, Наиль, хоть раз видел, как проходят праздники в марийских общинах?

Глаза Наиля заинтересованно блеснули.

— Я тогда костюм надену, — пробормотала тетя Нина задумчиво. — И блузка у меня есть новая, еще ни разу не надеванная, как раз хорошо будет.

— Ну, в принципе, если ненадолго, то я, конечно, задержусь, — кивнул Наиль с глубоко-мысленным видом. — Я люблю смотреть народные праздники. Да и ассимилироваться в Морках так легче будет.

— Вот и отличненько, — с довольным видом улыбнулся я. — Да и отказываться неудобно. Я тоже надолго не хочу, завтра уезжать, а работы еще... кот не валялся...

При этих словах Валера, который сидел у порога и умывался, поднял голову и с упреком посмотрел на меня.

— Мне еще программу по диссертации надо дописать, — исправился я, и Валера опять вернулся к умыванию. — Не знаю, за что и хвататься.

— Стойте! — всплеснула руками тетя Нина, которая бросилась было убирать со стола, а тут вдруг застыла, словно суслик, прямо посреди кухни. — У нас же подарка нет!

Мы все притихли, задумались и начали судорожно перебирать варианты.

— Эх, если бы знать раньше, — вздохнул Наиль. — Можно было бы в Казани что-нибудь нормальное купить, да ту же Еву попросили бы привезти. А так что ты здесь, в этих Морках, купишь?

— Ну, не знаю, — пожал плечами я. — Может, стоит посмотреть что-то из школьных принадлежностей? Ей где-то двенадцать или тринадцать лет.

— Ой, тут знать надо, что она любит да чем увлекается, — скривился Наиль. — Но если ничего больше не придумаем, то у меня в машине есть распечатанный блокнот, довольно-таки дорогой, со встроенной флешкой и подзарядкой, мне его на каком-то симпозиуме презентовали. Но, если честно, я не думаю, что это прям такой хороший подарок.

— Косметику тоже надо уметь выбирать, — задумчиво почесал затылок я. — Вроде ей еще рано, хотя на дискотеки она ходит. А туда же принято краситься.

— А давайте ей подарим Пивасика? — хохотнул Наиль. — Он такой вредный и меня Золушкой называет.

— Суслик! — огрызнулся Пивасик и нахохлился. Он явно не хотел, чтобы его подарили.

— Да погодите вы! — сказала тетя Нина. — Насколько я поняла, они живут очень бедно?

— Да, Полина сама троих детей поднимает, а сейчас еще и Борьку возьмет, временно, под опеку. Поэтому денег там нету от слова совсем. Я даже, честно говоря, удивлен, что они решили такой большой день рождения праздновать, с гостями.

— Тогда лучше всего подарить деньги, — предложила тетя Нина.

Мы с Наилем обрадованно переглянулись и синхронно кивнули. Немного потратили время на обсуждение, сколько надо, скинулись вдвоем по пятерке. И решили, что десять тысяч на день рождения вполне даже неплохо. Такая сумма — это почти как ползарплаты Фроловой, так что, думаю, она будет довольна. И все, что надо ребенку, купит.

Но, кажется, больше всех остался доволен Пивасик.

Времени еще до вечера было с запасом, и мы занялись своими делами: тетя Нина передела посуду, Наиль что-то там копался возле машины, переодевшись в мой старый спортивный костюм, а я все-таки принялся дописывать программу.

Ближе к сроку, мы переоделись (тетя Нина заставила меня натянуть костюм, белую рубашку и галстук, хотя я хотел ограничиться джинсами и толстовкой, но она сказала, что я врач и должен выглядеть правильно), потом подъехал Анатолий, и мы, принаряженные, двинули к Фроловым.

— Есть здесь, где цветы купить? — по дороге спросила тетя Нина.

— Ой, цветочный магазин давно закрыт, — хмыкнул Анатолий. — А зачем вам цветы? Что, там той Ольке цветы так надо? Она и не понимает в них ничего. Малая еще.

Мы как раз подъехали ко двору Фроловой, машина остановилась. И первое, что я увидел — перекошенная физиономия соседа Игорька, который как раз вышел во двор покурить и вдруг приметил меня.

Глава 6

Лицо соседа вытянулось, словно пузыри на коленках старых треников, и Игореша стал похож на изумленного мопсика. Это явно была реакция на мое появление, так что я решил на всякий случай не заострять на нем внимание. Сделал вид, что отвлекся, подавая руку тете Нине, которая как раз в этот момент царственно выбиралась из машины.

Тетя Нина превзошла самые смелые ожидания. Лук, то есть образ ее, не только поражал наивных местных жителей, но и даже выдавшего вида меня ввергал в изрядную задумчивость. Темно-синий велюровый брючный костюм, причем штаны широченные, и ярко-зеленая блуза с роскошными пенными оборками делали ее похожей если не на Незнайку, то как минимум на эпатажное творение Ле Корбюзье. Это такой французский архитектор. На лацкан жакета, который виднелся меж бортами расстегнутого пальто, была прилеплена огромная лилово-оранжевая брошь, сделанная из каких-то китайских полимерных пластмасс и чудо-перьев (надеюсь, это не Пивасика так общипали).

— Какая у вас брошь! — икнув от неожиданности, пролепетал шокированный Наиль, не в силах скрыть эстетическое потрясение.

— Да! Броши я люблю, — с видом английской королевы на приеме в Тронном зале Букингемского дворца величественно молвила тетя Нина. — У меня их раньше имелась целая коллекция. Но давно, еще в замужестве. Тогда они были у меня дорогие, золотые, с драгоценными камнями...

— А где же они? — спросил Наиль, а я не успел наступить ему на ногу.

— Пришлось все продать. Большую часть муж пропил, — вздохнула она и махнула рукой. — Но ничего. Пусть у меня теперь такие, но зато к каждому наряду есть своя отдельная брошь. А к некоторым даже разные. Я их под настроение меняю, — с гордостью заявила она. — Ну, идемте уже!

Я подал ей руку, и мы парой прошествовали вперед, Наиль покорно семенил сзади вместе с Анатолием. И старался не обгонять (тетя Нина была на каблучках и поэтому по свежему ледку двигалась бочком, как креветка или сильно пьяный конькобежец из Буркина-Фасо).

Жена Анатолия, как я понял, уже давно была на месте, в то время как он ездил за нами, в связи с чем был крайне ворчлив и недоволен. Так что всю дорогу скверно ругался, сыпля выражениями, которым явно не место в словаре Даля. Ведь Ксюша специально посадила его за руль, мотивируя тем, что надо, мол, «нашего доктора» привезти, а на самом деле — для того чтобы он не выпил в гостях. Чем Анатолий и был крайне раздосадован и дико опечален.

Мы вошли в дом, благополучно миновав остолбеневшего Игорешу...

...и нас мгновенно накрыл густой и концентрированный праздничный шум, звон посуды, смех и радостный гомон многих людей.

В большой зале (так называли тут большую комнату «для гостей»), которая могла вместить человек сорок, как раз столько и собралось. Я уже бывал здесь, но в этот раз тут стояли длинные столы и лавки, застланные пестрыми домоткаными дорожками. Столы были накрыты обычной цветастой клеенкой. А на них... мамочки дорогие, какой только еды тут не было! Но в основном доминировала марийская кухня: и трехслойные блины коман-мелна, и подкоголи (вид специальных мощных вареников с мясом, картошкой и грибами), и сокта (запеченная кровяная колбаса с румяной корочкой, истекающая ароматным мясным соком), и полашкамуно (это такой запеченный в печи омлет с картошкой). Но и это не все! Я там даже оливье заметил.

— О-о-о, Сергей Николаевич! — воскликнула Фролова, увидев нас, и аж подскочила со своего места.

Разговоры мгновенно стихли, и множество любопытных взглядов обратилось на нас. Тетя Нина приосанилась и тайком поправила брошь, Наиль попытался сделаться незаметнее, а я, увидев здесь Венеру, широко улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте!

Нам отвечали, здоровались, спрашивали, как дела, каждый хотел что-то сказать, причем срочно, мужики пытались пожать руку, поэтому образовалась небольшая давка и стихийная суматоха. Которую, кстати, очень быстро привела в порядок, к моему удивлению... Лида. И она же нам показала, куда садиться.

Места нам выделили, я в этом даже и не сомневался, почетные — возле самой хозяйки, во главе стола. Десяток разновозрастных ребят тоже сидели вместе со взрослыми, правда, аж в самом конце.

Когда мы чинно расселись, первый тост попросили сказать меня. Я достал из кармана пиджака конверт с деньгами — нашим маленьким коллективом было принято решение, что именно мне придется говорить все тосты и вручать подарок.

— Двенадцать лет Оле, — тихо шепнула тетя Нина, которая уже успела навести справки у Лиды.

Я встал и, дождавшись, когда все затихнет, поднял бокал с вином и сказал:

— Дорогая Оленька, сегодня у тебя важный день, праздник. Сегодня тебе исполнилось двенадцать лет. Это хорошая, уютная пора, золотое детство. Хорошее, потому что ты возле мамы, своих родных, соседей, в школе и в своем поселке. Я точно знаю и очень надеюсь, что ты вырастешь большой умницей, что у тебя все будет хорошо и что ты добьешься очень многого и достигнешь значимых высот. Но кем бы ты, Олечка, ни стала в будущем, чего бы ни достигла, ты всегда должна знать и понимать, что главный, кто тебе дал этот импульс, — это твоя мама. Посмотри на свою маму, Оля. Она у тебя большая молодец, одна поднимает вас троих, как бы ей ни было тяжело. Причем прекрасно справляется с этим нелегким делом. Вы всегда сыты, одеты, ходите в школу, она занимается вашим воспитанием, причем очень хорошо, я это вижу. Более того, она согласна даже взять на время мальчика Борьку, у которого в семье случилась беда и которому сейчас некуда деваться. Вот такое большое и золотое у нее сердце. И ты должна, Оля, понимать, что мама для тебя в этой жизни — все. И если ты будешь хоть немножко похожа на нее, считай, жизнь у тебя удалась. Я желаю тебе всего самого наилучшего! Будь здорова и счастлива!

С этими словами я вручил конверт Полине Илларионовне, которая сидела бледная, с блестящими глазами, кусала губы, и слезы текли по ее щекам. На нее поглядывали со все возрастающим уважением. Многие женщины прослезились. Да и некоторые мужики тоже. И тут Генка не выдержал и сказал:

— Тогда давайте выпьем за это, что ли! За Ольку и Полинку!

И сразу все обрадовались, зазвенели бокалами, рюмками и стаканами, дружно выпив за первый тост. Только Анатолий сидел как свирепый дундук и знай наяривал подкоголи, раз выпить нельзя.

Эх, видели бы вы, какими глазами на меня смотрела Полина, да и все остальные женщины. Они глядели так, что срочно захотелось, словно Кафка, который жаловался на это в своих письмах к Фелиции, стать маленьким робким росточком и заныкаться куда-нибудь в тихую норку, чтобы никто не видел и не знал. Но это было буквально на миг. Так, небольшое наваждение, которое я отбросил, даже не оглядываясь на все это. А затем сказал от души:

— Как же здесь у вас хорошо!

Все много ели и пили. Соседки по столу поначалу пытались выведать, каково мое семейное положение, но их быстренько шуганула тетя Нина. Пили, к слову, в основном местный самогон. Причем как мужчины, так и женщины. Лишь перед нами стояла бутылка полусладкого красного вина. Как дорогим гостям, видимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.